

Д.А. С и д о р о в

ШВЕДСКАЯ ЛАДОЖСКАЯ ФЛОТИЛИЯ 1701 – 1703 гг.

Два с небольшим десятилетия, которые длилась Великая Северная война, естественно, не могли не принести крупных сражений как на суше, так и на море. И именно к ним в первую очередь всегда было приковано больше внимания со стороны современников и последующих исследователей. Второстепенные же театры и небольшие боевые столкновения зачастую оставались за пределами исторических исследований и изысканий, несмотря на то что результатом таких, малозначимых на первый взгляд столкновений становились впоследствии крупные успехи той или иной из противоборствующих сторон. К одному из таких театров можно смело причислить Ладожское озеро, действовавшую на нём в 1701–1702 годах шведскую озёрную флотилию и противостоявшие ей русские гребные отряды.

Нельзя утверждать, что данный театр ранее был обойдён вниманием со стороны историков и исследователей, однако рассмотрения его через призму операций на озере шведской флотилии в нашей стране сделано не было. Данный факт обусловлен рядом причин и в первую очередь относительной недоступностью шведских архивных документов для российских историков. По сути, единственными данными из зарубежных источников о шведской флотилии Ладожского озера, которыми оперировали исследователи, стали выписки, сделанные С.И. Елагиным в 1861 г. во время его поездки по зарубежным архивам, в том числе при посещении Государственного архива в Стокгольме¹. Выявленные им материалы были использованы при написании статьи в «Морской сборник», озаглавленной «Утверждение России на балтийском побережье»². Выписки, сделанные С.И. Елагиным, сохранились в РГА ВМФ и впоследствии были частично опубликованы³. Ещё одним источником, позволяющим отобрать отрывочные сведения о рассматриваемом подразделении, является «Гистория Свейской войны: (Подённая записка Петра Великого)»⁴. Естественно, при отсутствии данных из шведских источников объём информации о флотилии для исследователей ограничивался только теми моментами, которые зафиксированы в русских документах, когда она вступала в боевые столкновения с русскими отрядами непосредственно на озере либо во время десантных операций на побережье.

Шведская историография по рассматриваемой проблематике несоизмеримо обширнее, однако также недостаточна для полного освещения вопроса, поскольку флотилия рассматривается в общей канве событий начального этапа Великой Северной войны. Несмотря на это, работы А. Мюнте, К. фон Розена⁵, опубликованные в 1924 г. и 1930 г. соответственно, позволяют получить общее представление о действиях озёрной флотилии и могут

быть оценены как достоверные, так как имеют опору на обширный архивный материал. Из более современных нам шведских работ следует отметить исследование Л.Э. Фольке, в котором также привлечены архивные документы, освещающие ряд немаловажных аспектов деятельности флотилии⁶.

Ввиду довольно ограниченного объёма информации, содержащейся в опубликованных трудах, для настоящего исследования по возможности были привлечены материалы первоисточников, а именно письма, рапорты, документы и другая корреспонденция участников событий, находящаяся в большинстве своём в архивах Швеции⁷.

Театр боевых действий — крупнейшее озеро в Европе Ладожское на момент начала войны было поделено между Швецией и Россией. Граница, определённая по Столбовскому миру 1617 г., проходившая по озеру, начиналась от устья реки Лава и оканчивалась у устья реки Видлица, разделяя озеро на шведскую и русскую части в приблизительной пропорции 2 : 1. Южная и юго-восточная части озера, принадлежавшие России, в которых происходили основные события, резко отличаются от северной части озера. Основные различия касаются глубин и строения берегов. Южная часть более мелководна и изобилует каменистыми рифами и песчаными банками, берега в этой части озера низкие, мало изрезанные и окаймленные песчаными пляжами с валунами на побережье и отмелях. Исток, единственной, вытекающей из озера реки Невы, располагается в бухте Петрокрепость. К истоку через бухту ведёт единственный фарватер, пригодный для судоходства. В описываемый период времени его примерная длина составляла чуть больше полумили, средняя ширина — около 500 локтей, а наименьшая глубина равнялась 5½ футам⁸. Главными опорными базами шведской флотилии на озере были крепость Нотебург, располагавшаяся на Ореховом острове в истоке Невы, и город Кексгольм в устье реки Вуоксы. Русские располагали единственным крупным населённым пунктом — городом Ладога⁹ на левом берегу Волхова на расстоянии чуть более мили от устья.

Создание Ладожской флотилии

Нанеся поражение Петру I под Нарвой, Карл XII расквартировал большую часть своей армии в Лайузе, замке к северу от Дерпта. Планируя кампанию на следующий год, шведский монарх решил не продолжать активные военные действия против русской армии, а нанести основной удар по Саксонии и Речи Посполитой. Однако как бы низко не оценивал боевые качества русской армии Карл XII, он, наверняка, не исключал, что русский царь не оставит попыток выхода к Балтийскому морю, а также возможность перенести боевые действия на территорию шведских Остзейских провинций. Поскольку часть ключевых городов этих провинций располагалась либо непосредственно на балтийском побережье (Ревель, Выборг), либо на внутренних водоемах и реках (Нарва — на реке Нарова; Ниен, Нотебург — на реке Неве; Дерпт — на реке Эмба; Кексгольм — на Ладожском озере), согласно приказу короля от 6 марта 1701 г.¹⁰ губернаторы этих городов и иные высокопоставленные чиновники провинций были обязаны провести ревизию имевшихся в их распоряжении судов и выполнить необходимые работы по их ремонту, укомплектованию и оснащению для выполнения боевых задач по транспортировке войск и противодействию насколько это возможно действиям противника на побережье и водных театрах¹¹. Адмиралтейств-коллегия получила приказ о направлении в ставку короля вице-адмирала Гидеона фон Нумерса¹². В качестве судна для доставки в Ревель вице-адмирала и отобранных им волонтеров из числа морских офицеров была выбрана яхта «Катарина» под командованием лейтенанта Якуба Ибсона¹³.

Ил. 1. Г. Экблом. Портрет Х. Вахтмейстера (Морской музей. Карлскруна)

Основная ответственность за исполнение приказа монарха в отношении судов для Ладожского озера лежала на коменданте крепости Нарва генерал-майоре Хеннинге Рудольфе Хорне. В его зоне ответственности находилась не только Нарва и её окрестности, но также Нотебургский и Кексгольмский лёны¹⁴. К середине апреля 1701 г. стало ясно, что имеющиеся суда не годны к выполнению предполагаемых задач. В качестве примера можно привести рапорт капитан-лейтенанта Ханса Сутхофа от 5 апреля коменданту Ниена Юхану Аполлову¹⁵, в котором он так описывает ситуацию с плавсредствами в Ниене и Кексгольмском лёне: «...наличествующие ладьи недостаточно крепкие, низкие и узкие для использования в качестве каперов, а из-за хрупкости конструкции орудия на них установить невозможно. В случае перестройки они станут валкими и плохими ходаками под парусами, также нельзя будет надставить их достаточно высоко, чтобы экипаж мог укрыться внизу и дать место для пороха и провианта... Ладьи, находящиеся в Кексгольме, Кроноборге¹⁶ и Сордавале, сходны, но ещё менее прочны»¹⁷. Далее Х. Сутхоф высказал своё мнение, по которому лучшим вариантом стали бы направленные из Швеции три–четыре яхты, полностью укомплектованные экипажами и вооружённые 6–10 орудиями. О результатах исполнения приказа Х.Р. Хорн доложил Карлу XII¹⁸.

Репорт Х.Р. Хорна королю о трудностях, с которыми он столкнулся при поиске судов для использования на Ладожском озере, привёл к тому, что данная задача была возложена на плечи президента Ханса Вахтмейстера и остальных членов Адмиралтейств-коллегии¹⁹. Из состава королевского флота, базировавшегося в Карлскруне, необходимо было отобрать достаточное количество подходящих судов. Однако, принимая во внимание сложную гидрографическую обстановку на Ладожском озере, а именно узкие фарватеры, обилие мелей и малые глубины в истоке Невы и у южного побережья озера, задача по комплектованию корабельного состава формируемой флотилии оказалась не из легких. Из имевшихся в распоряжении королевского флота в Карлскруне судов минимальным требованиям отвечали лишь считанные яхты и галиоты. В итоге для нужд флотилии были выделены две яхты — «Нептунус» и упомянутая выше «Катарина»²⁰. Командиром первой был назначен лейтенант Ханс Хусман²¹. Обе яхты были укомплектованы экипажами и получили провиант на двухмесячное плавание.

В последних числах апреля «Катарина» с Г. фон Нумерсом на борту вышла из Карлс kruны и взяла курс на Ревель. Противные ветры задержали яхту на десять дней, и лишь 7 мая ей удалось дойти до Висбю на острове Готланд, где она вновь встала на якорь в ожидании благоприятной погоды²². В конечном итоге вице-адмирал сошёл на берег в Ревеле не ранее 18 мая. Яхта «Нептунус» покинула Карлскруну в первой декаде мая, держа курс непосредственно на Ниен. На борту яхты помимо экипажа также присутствовал обер-штурман Карл Элдберг, который по решению Коллегии направлялся в Ингрию с особой миссией — он должен был составить подробные карты Невы и Ладожского озера с промерами глубин²³. По прибытии яхты в Ниен 23 мая после встречи с генерал-майором Абрахамом Крунйортом, располагавшемся в Ниене на зимних квартирах, и комендантом Ю. Аполловым К. Элдберг без промедления приступил к выполнению возложенной на него задачи²⁴.

Столкнувшись с ситуацией, когда приказ короля не мог быть выполнен в полной мере за счёт имеющихся судов, Адмиралтейств-коллегия начала поиски путей разрешения ситуации. В качестве одного из вариантов на заседании Коллегии было выдвинуто предложение по приобретению у частных лиц нескольких судов и их последующего переоснащения и вооружения для нужд формируемой флотилии²⁵. Отчёт о состоянии дел, в том числе предложение по приобретению судов и просьба о выделении Казначейством денежных средств на эти цели, были направлены королю²⁶. Монарх полностью поддержал данное предложение²⁷, тем самым предоставив Коллегии полную свободу выбора.

Первым претендентом на приобретение стала шнява, принадлежавшая корабельному мастеру Чарльзу Шелдону и капитану Питеру Плею. Решение о покупке Коллегия приняла на том же заседании 14 июня, когда рассматривалось письмо короля от 23 мая с дозволением приобретения судов, причём в тот момент шнява ещё находилась в достройке²⁸. На основании имеющихся документов нельзя утвердительно ответить на вопрос являлся ли Ч. Шелдон непосредственным строителем шнявы либо был простым совладельцем, участвовавшим своим капиталом в постройке судна. Официальная приёмка шнявы, первоначально получившей имя «Нарва»²⁹, в состав королевского флота состоялась 3 июля после составления описи имущества³⁰.

У торговца Теодора Кристоферса оказалось два судна, которые удовлетворили требованиям Адмиралтейств-коллегии. Первым судном стал небольшой по размерам корабль «Путц Век»; решение о его приобретении и переоснащении было принято на заседании Коллегии 17 июня³¹. Опись имущества корабля и оценка его состояния была проведена через месяц, 16 июля³². Второй корабль, «Санкт-Якобус», на момент принятия решения находился в плавании, в связи с чем его осмотр был назначен только на 27 июня. Осмотр должен был

Ил. 2. Титульный лист описи корабельного имущества на бригантину «Фрига». 1701 г. (Военный архив. Стокгольм)

быть проведён с особой тщательностью, поскольку, как ожидалось, состояние данного судна значительно разнилось с первым судном Т. Кристоферса³³. Данная инспекция была проведена комиссией через два дня; в состав комиссии из трёх человек также входил Ч. Шелдон³⁴. Официальная приёмка с составлением описи имущества состоялась 1 июля³⁵.

Следующими судами, на которых Адмиралтейств-коллегия остановила свой выбор, были корабль «Санкт-Якобус» и шнява «Крокодилен», принадлежавшими стряпчему Свену Адлерширне и командору Юнасу Рушенфельту соответственно³⁶. «Санкт-Якобус», согласно одному из документов³⁷, был построен в Карлскруне Ч. Шелдоном в 1695 г. Практика участия корабельных мастеров, находившихся на королевской службе, в выполнении сторонних заказов носила распространённый характер, особенно в мирное время, при полном отсутствии либо при редких заказах для королевского флота. «Крокодилен» был спущен на воду на верфях Штральзунда в 1698 г. Судя по количеству приобретений сделанных Адмиралтейств-коллегией у Ю. Рушенфельта ранее, а также в последующие годы³⁸, в его распоряжении вполне могла находиться целая флотилия торговых судов. Два приобретённых для Ладожской флотилии судна были приняты короной: 29 июля — «Санкт-Якобус» и 7 июля — «Крокодилен»³⁹.

Основания по выбору тех или иных судов для приобретения остаются невыясненными, поскольку, согласно перечню торговых судов грузоподъёмностью от 25 до 300 лас-тов⁴⁰, находившихся на зимовке в 1700 – 1701 г. в Стокгольме, их число доходило до 130⁴¹. Наверняка, в Карлскруне число торговых судов было не меньшим, поэтому нельзя исключать политические либо личностные мотивы при выборе судов и их владельцев.

На покупку судов Казначейством была выделена сумма в размере 14 700 далеров серебром с разнесением средств на приобретение каждого судна⁴². После проведения оценки у Адмиралтейств-коллегии сформировалась собственная стоимость намеченных к покупке судов. Сводная информация по затратам представлена в таблице (*Табл. 1*). Несмотря на неполные данные, можно сказать, что Коллегии удалось значительно сэкономить на приобретении. Однако в протоколах заседаний Коллегии имеются упоминания о несогласии судовладельцев с суммами, в которые было оценено их имущество, к примеру в отношении шнявы «Нарва» и корабля «Путц Век»⁴³. Информацию по разрешению данных противоречий выявить не удалось, поэтому за окончательную стоимость судов были взяты суммы, предложенные Адмиралтейств-коллегией после оценки.

Привлечением судов от частных судовладельцев Адмиралтейств-коллегия не ограничилась, продолжив поиск собственных резервов. Так, на заседании Коллегии 20 июня адмиралом В. фон Росенфельтом было предложено использовать на Ладожском озере после проведения соответствующего переоснащения яхту «Терезия»⁴⁴. Предложение было поддержано, и это судно было в итоге включено в состав флотилии под командованием лейтенанта Андерса Сунда⁴⁵. Помимо «Терезии» ещё одна бригантина, находившаяся в тот момент в достройке под руководством Ч. Шелдона, была определена в состав Ладожской флотилии. 28 июня ей было присвоено имя «Свалан»⁴⁶. Остаётся невыясненным, строилось ли это судно по заказу флота как боевая бригантина либо было приобретено у частного лица. Прямые указания на тот или иной вариант развития событий выявить не удалось.

Вполне вероятно, первый отчёт, полученный Адмиралтейств-колlegией от К. Эдберга с данными по Неве и Ладожскому озеру⁴⁷, выступил в качестве побудительного мотива для поиска судов, пригодных для выполнения боевых задач в прибрежных водах озера на мелководье. Уже 14 июня решением Коллегии для будущих нужд флотилии был выделен баркас, по шведской терминологии эспинг⁴⁸, приписанный к линейному кораблю «Конунг Карл»⁴⁹. Позже аналогичное решение было вынесено в отношении эспинга корабля «Энигхетен». Несмотря на отсутствие информации по оснащению и перевооружению данных плавсредств, таковые процедуры, несомненно, имели место. Только этими двумя малыми судами Коллегия не ограничилась: 27 июня Х. Вахтмейстер докладывал, что он лично осмотрел две крупные шлюпки, пригодные для службы на Ладоге, которые могли быть использованы для высадок на побережье и для буксировки других судов. Ч. Шелдон и К. Анкарширна дополнили доклад информацией о том, что имеющиеся 10-вёсельные «командирские шлюпки» располагают достаточной вместимостью и на них можно разместить до 30 человек экипажа и солдат. Было решено установить на них мачты и паруса, иными словами переоборудовать в дубель-шлюпки⁵⁰. Информация о количестве вёсел на судах Ладожской флотилии выявлена только в отношении дубель-шлюпок, однако относительно частые упоминания об использовании вёсел дают веские основания полагать, что и остальные суда флотилии были парусно-гребными.

Именное разнообразие судов, составивших флотилию, легко объясняется разнообразием их происхождения. В данной ситуации естественно было предположить их переименование, а также присвоение имён ранее безымянным судам. Официальное переименование большей части судов состоялось по решению Коллегии от 29 июня⁵¹. Корабли,

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

шнявы и бригантины флотилии получили имена из скандинавской мифологии, в то время как эспинги и дубель-шлюпки довольствовались «рыбьими» именами⁵². Информация по каждому судну сведена в таблицу (Табл. 1).

Таблица 1

Прежнее имя	Присвоенное имя	Собственник	Средства Казначейства, далеров серебром	Стоимость по оценке Адмиралтейства, далеров серебром	Решение о приобретении/переоснащении	Дата составления описи имущества
«Шелдон»	«Астрильд»	Ч. Шелдон П. Плей	1200	1000	14 июня	3 июля
«Нарва»						
«Путц Век»	«Хабор»	Т. Кристоферс	2500	1300	17 июня	16 июля
«Санкт-Якобус»	«Тор»	Т. Кристоферс	4000	3500	27 июня	1 июля
«Санкт-Якобус»	«Один»	С. Адлерширна	5000	н/д	20 июня	29 июля
«Крокодилен»	«Фрига»	Ю. Рушенфельт	2000	2200	20 июня	9 июля
«Терезия»	«Диса»	—	—	—	20 июня	—
«Свалан»	«Ёйя»	—	—	—	28 июня	—
Эспинг корабля «Конунг Карл»	«Лаксен»	—	—	—	14 июня	—
Эспинг корабля «Энигхетен»	«Гедан»	—	—	—	н/д	—
Без имени	«Аборен»	—	—	—	27 июня	—
Без имени	«Ешен»	—	—	—	27 июня	—

После покупки каждое судно подвергалось необходимым процедурам по оснащению, переделке, вооружению, укомплектованию экипажами и т. д. Сроки по выполнению указанных работ могли занимать от двух до четырёх недель. Разная степень готовности судов объясняет невозможность их отправки в Ниен в составе единого подразделения. Достоверно дата отправления из Карлскруны известна лишь для одного судна — бригантины «Ёйя». По косвенным признакам расчётным методом с точностью до нескольких дней можно определить приблизительные сроки для остальных судов (Табл. 3). Суда следовали как поодиночке, так и группами. Маршрут следования мог предполагать остановки в Ревеле и / или Нарве. Остановки обуславливались различными причинами, будь то неблагоприятные погодные условия, доставка пассажиров или грузов. К примеру, 24 солдата Вестерботтенского полка были прикомандированы к «Ёйе», «Тору» и «Дисе»⁵³, и оставались на борту до Ревеля, и, сойдя на берег, оттуда проследовали в расположение своего полка, расквартированного в Лифляндии. На судах «Гедан», «Лаксен» и «Один» 28 июля, 16 августа и 9 сентября⁵⁴ соответственно в Нарву были доставлены три партии листового свинца общим весом более 190 шиффунтов⁵⁵. Имели место и другие причины остановок; так «Фрига» и

Ил. 3. Д. фон Крафт. Портрет Г. Псиландера. Начало XVIII в. (Военная академия Карлберг. Стокгольм)

«Тор», прибыв в Ревель 23 июля, пребывали там на протяжении нескольких дней в ожидании лоцмана для продолжения плавания⁵⁶. Для других судов, самостоятельно следовавших до восточной оконечности Финского залива, лоцманская служба для проводки по фарватерам Невы была организована на островах в устье реки.

Озабоченность Коллегии вызывала отправка дубель-шлюпок в части того, что в случае их отдельного перехода на Ладогу существовала возможность их потери во время штормов. Адмирал В. фон Росенфельт предложил, чтобы «Аборен» и «Ешен» следовали, по крайней мере, в сопровождении и на буксире эспингов «Гедан» и «Лаксен», поскольку погрузить дубель-шлюпки на борт эспингов не представлялось возможным из-за небольших размеров последних. Кроме того, В. фон Росенфельт настаивал на отмене транспортировки груза свинца в Нарву именно судами направлявшимися на Ладогу, что, по его мнению, могло привести к неоправданной задержке и срыву участия этих судов в кампании 1701 года⁵⁷. Как сказано выше, партии свинца были доставлены всё-таки судами флотилии, которые благополучно достигли пункта назначения и приняли участие в действиях флотилии на озере в августе – сентябре этого года. Достоверных данных о переходе дубель-шлюпок нет, но, судя по датам прибытия судов, они, вероятно, следовали в Ниен в сопровождении эспинга «Гедан».

Помимо упомянутых судов, направляемых в Ладожское озеро, 14 июня капитану Густаву Псиландеру, командиру 18-пушечного фрегата «Фрёкен Элеонора»⁵⁸, вышедшего из Карлскруны, был отдан приказ, встретившись с двумя кораблями, крейсировавшими в

Балтийском море, проследовать к Ниену и там дожидаться дальнейших инструкций⁵⁹. В случае отсутствия таковых, фрегат должен был включиться в систему обороны Невы и Ладоги от возможных нападений противника. Как писал сам Г. Псиландер⁶⁰, он без особых трудностей достиг Ниена, однако все попытки продвинуться вверх по реке заканчивались посадкой на мель, а после того как «Фрёкен Элеонора» в шестой раз села на мель, Г. Псиландер отправился в Нотебург на шлюпке. Прибыв на место и оценив ситуацию, капитан понял, что имея глубину интрьума в 9 футов, фрегату не переправиться через бар даже при условии полной его разгрузки. 16 июля из Адмиралтейств-коллегии был получен приказ, предписывавший вернуться в Карлскруну в случае невозможности проводки фрегата в озеро. В результате Г. Псиландер ушёл, а попытка Адмиралтейства усилить формировавшуюся флотилию новым строевым фрегатом окончилась неудачей.

Кампания 1701 г.

По прибытии в Ревель Г. фон Нумерс в сопровождении морских офицеров отправился в ставку короля. 21 мая он добрался до Лайузе и на следующий день получил аудиенцию у Карла XII. В докладе в Адмиралтейств-коллегию вице-адмирал сообщал, что был назначен командующим Ладожской и Дерптской флотилиями. Также он получил указание отправиться в Дерпт, где после оценки обстановки, оставления офицеров будущей флотилии и корабельного мастера, он должен был проследовать далее на Ладогу, в Нотебург⁶¹. После посещения Дерпта Г. фон Нумерс прибыл в Нарву, откуда после 7 июня на ожидавшей его яхте «Катарина» отплыл в Ниен⁶². К месту назначения вице-адмирал прибыл 12 июня.

Несмотря на рапорт Х.Р. Хорна об отсутствии в Кексгольмском лёне судов, пригодных для использования на Ладожском озере, вице-адмирал Г. фон Нумерс, прибывший в Ниен, нашёл там снаряженные суда, которые генерал-майор А. Крунйорт «изволил отремонтировать; один краер с новыми кницами и орудийными портами, а два других с новыми портами, полностью готовые к отплытию»⁶³. Краеры носили имена «Санкт-Мария», «Санкт-Брита» и «Чёпман аф Новгород»⁶⁴. Подробности касательно их происхождения, снаряжения и подготовки отсутствуют, вполне вероятно, они были зафрахтованы А. Крунйортом в Ниене в конце мая. Вероятно, в планах А. Крунйорта было вооружить данные суда, поскольку 5 июня им был отдан приказ коменданту Нотебурга Г.В. Шлиппенбаху подготовить орудийные станки для 1-, 2- и 3-фунтовых пушек, а также отобрать из арсенала крепости орудия этих калибров для использования на судах⁶⁵. Приказ Г.В. Шлиппенбаху на дополнительные станки, которые должны были быть подготовлены с максимальной поспешностью, для других судов флотилии поступил 10 июня⁶⁶.

Прибыв в Ниен, Г. фон Нумерс не застал находившуюся там ранее яхту «Нептунус», поскольку за день до этого она ушла вверх по реке в Нотебург⁶⁷. Дело в том, что Х. Хусман получил приказ А. Крунйорта направиться в Ладожское озеро. Генерал-майор, являясь командующим корпуса шведских войск в Ингерманландии и Карелии, формально не имел права отдавать приказы командирам судов королевского флота, однако в данном случае этот приказ был предварительно согласован с Г. фон Нумерсом. Приказ сопровождался подробными инструкциями на трёх листах⁶⁸, и выдержки из них будет небезынтересно привести здесь, поскольку они отчасти отражают общие тактические задачи шведской флотилии и методы ведения войны на озере:

- 1) Яхта «Нептунус» должна незамедлительно направиться в Ладожское озеро;

2) Производить поиск судов противника в архипелаге, в районе Кексгольма. В случае обнаружения последних, принудить их к сдаче, обстреливая из орудий и сея панику в их экипажах. Захваченные суда вместе с экипажами направить в Нотебург;

3) При успехе исключить возможность побега захваченных судов, обеспечив сопровождение призового судна двумя шведскими по его обеим сторонам, при этом связав руки за спиной экипажам русских судов. Направиться в Нотебург, где оставить призовые суда;

4) В случае если суда противника не удастся обнаружить, направиться в Кексгольм, где подобрать лоцманов, хорошо знакомых с озером, и обеспечить конвоирование в Нотебург шкут с зерном и провиантом;

5) После доставки снова выйти в озеро и при помощи лоцманов определить, насколько близок возможен подход к берегу на русской стороне озера. В Кексгольме набрать *крестьян* (курсив наш. – Д.С.), которые, посаженные на большие лодки, смогут участвовать в грабежах и поджогах на побережье противника. Особое внимание уделить сожжению судов противника.

Также приказ предусматривал, что в случае, если к моменту возвращения Х. Хусмана в Нотебург Г. фон Нумерс прибудет на Ладогу, то лейтенант, естественно, поступит в подчинение вице-адмиралу и должен будет следовать приказам последнего.

Вместе с «Нептунусом» к Нотебургу ушёл и краер «Санкт-Мария», командование которым было поручено упомянутому выше капитан-лейтенанту Х. Сутхофу. В дополнение к экипажу «Нептунуса» распоряжением А. Крунйорта были приписаны 25 солдат и 1 офицер⁶⁹, которых Х. Хусман должен был взять на борт в Нотебурге взамен тех, что направил в крепость А. Крунйорт. За приказом Г.В. Шлиппенбаху от 5 июня через пять дней последовал следующий — передать флоту ещё 90 солдат⁷⁰, а 13 июня — ещё 50 наиболее способных к службе на судах солдат⁷¹. Г.В. Шлиппенбах, который по распоряжению генерал-майора должен бы удовлетворить все текущие и будущие просьбы Х. Хусмана, не был в восторге от перспективы ослабления гарнизона и боеготовности крепости, и даже попытался выразить своё недовольство в письме Х.Р. Хорну, однако находившемуся в прямом подчинении А. Крунйорта коменданту ни осталось ничего, кроме как подчиниться приказу. Справедливости ради следует отметить, что Г.В. Шлиппенбаху была обещана замена за каждого направленного на суда солдата. 12 июня А. Крунйорт докладывал королю, что изыскал для нужд флотилии 145 солдат и офицеров⁷². Несмотря на эти данные, достоверные цифры по распределению солдат на конкретные суда известны только для бригантины «Ёйа» и яхты «Нептунус». Определить ротную либо полковую принадлежность, так же как и выявить подтверждаемую документально общую численность морской пехоты, не представилось возможным, однако опираясь на известные данные и на принципы распределения солдат на суда Дерптской флотилии⁷³, можно сделать предположение, что личный состав контингента морской пехоты флотилии мог достигать 300–350 человек⁷⁴.

Имея на руках приказ монарха «вместе с яхтой, которая прибыла из Карлскруны»⁷⁵, приступить к поиску судов противника на Ладожском озере, 13 июня Г. фон Нумерс отправился из Ниена вверх по Неве. 20 июня, находясь в миле от Нотебурга, вице-адмирал докладывал королю о том, что вынужден был девять дней и ночей⁷⁶ бороться с течением «этой проклятой реки», двигаясь на веслах и лишь изредка под парусами⁷⁷. С оставшимися судами командуя флотилией после преодоления отмели и погрузки боезапаса с попутным ветром планировал проследовать к русскому берегу к Андрусово, где было назначено рандеву с судами, ушедшими ранее к Кексгольму.

Таблица 2

Судовые роли Ладужской флотилии в кампании 1701 г.⁷⁸

(пустые ячейки в таблице означают отсутствие данных, нулевые значения обозначены прочерком; итоговые суммы даны по колонкам, содержащим полные данные)

Судно Звание	«Тор»	«Один»	«Хабор»	«Ёйя»	«Фрига»	«Диса»	«Астрильд»	«Лаксен»	«Гедан»	«Аборен»	«Ешен»	«Катарина»	«Нептунус»
Капитан	1	1	–	1	1	–	–	1	–	–	–	–	–
Обер-лейтенант	–	–	1	–	1	1	–	–	–	–	1	–	–
Лейтенант	1	1	–	2		–	1	–	–	1		1	1
Унтер-лейтенант	–	–	1	–		1	–	–	1				–
Шхипер	1	1	1	1		1	1	1	1				1
Штурман	1	1	1	1		1	1	1	1				1
Корабельный писарь	1	1	–	1		–	–	–	–				–
Цирюльник	1	1	–	1		1	1	–	–				–
Констапель	1	1	1	1	1	1	1	1	–				1
Подконстапель	2	2	2	2	2	1	1	1	2	1	1		–
Подштурман	1	1	1	1		1	1	1	1				–
Боцман	1	1	1	1		1	1	1	1				1
Плотник	1	1	1	1		1	1	1	–				1
Матросы*	45	40	20	43	29	35	24	24	17	17	12	19	35
Корабельный юнга	1	1	1	1	1	1	1	1	1	–	–	–	1
Итого экипаж	58	53	31	57		46	34	33	25				42
Солдаты				30									26
Всего				87									68

* Численность матросов различалась, в таблице приведено максимальное количество, указанное в источниках.

Выйти в озеро Г. фон Нумерс смог лишь 29 июня. На первый взгляд такая задержка могла быть вызвана противным ветром либо иными основаниями, однако наиболее вероятной причиной были трудности с преодолением песчаного бара, и, как докладывал сам Г. фон Нумерс, он «с величайшими усилиями перебрался через банку, лежащую перед Нотаборгом»⁷⁹. Это был первый раз, когда вице-адмирал и основные силы сформированной Ладужской флотилии преодолели упомянутый бар в следующей очередности: «Чёпман аф Новгород», «Катарина», «Санкт-Брита». Глубины на фарватере, проходившем через эту отмель, ставшую препятствием для усиления флотилии более крупными и естественно более глубоко сидящими судами, колебались от 18 до 5½ футов. Наиболее крупные суда флотилии имели осадку до 7 футов⁸⁰, что влекло за собой их неизбежную разгрузку для проводки по фарватеру. Данная процедура подразумевала под собой выгрузку и своз на берег на местных лодках и зачастую на шлюпках,

Ил. 4. Неизвестный художник. Предполагаемый портрет Г. фон Нумерса. Миниатюра. 1680-1720 г. (Музей северных стран. Стокгольм)

приписанных к судам флотилии, провианта, воды, орудий, боезапаса, части балласта и т. п. Всё это имущество на подводах перевозилось вдоль берега, и обратно грузилось, и устанавливалось на суда, прошедшие по фарватеру на «глубокую воду». От начала разгрузки до полной готовности судна к выходу в озеро проходило до пяти (!) дней⁸¹.

Естественно, такое положение дел не могло удовлетворить Г. фон Нумерса, и в своём письме в Адмиралтейств-коллегию⁸² он просил выделить корабельного мастера и четырёх плотников для постройки некой «машины», которая облегчила бы переход судам через бар⁸³. Он также изложил своё видение касательно судов, которые бы идеально подошли для действий на Ладоге. Он видел в качестве таковых разновидность галеры или иного гребного судна с 10–12 парами вёсел, с экипажем в 50–60 человек и осадкой в 3–4 фута. Однако в итоге просьбы и предложения Г. фон Нумерса не были удовлетворены и впоследствии тем судам флотилии, которые Адмиралтейств-коллегия смогла изыскать для Ладоги, каждый раз приходилось затрачивать массу усилий и времени при выходе в Ладогу и возвращении в Нотебург.

Итак, вице-адмирал, державший флаг на яхте «Катарина», вышел в озеро, имея под своим командованием три судна. К 6 июля флотилия, состоявшая теперь уже из четырёх судов⁸⁴, поскольку, вероятно, к ней присоединилась яхта «Нептунус», пришедшая из

Кексгольма, приблизилась к русской границе на восточном побережье, в районе устья Видлицы. Как писал Г. фон Нумерс, их появление вызвало большой переполох в русском лагере и размещённых в этом районе передовых постах: в сторону шведских судов было произведено до 50 орудийных выстрелов⁸⁵. О возможных попаданиях и потерях на судах флотилии ничего неизвестно, так же как и об ответном огне шведов, поэтому можно говорить лишь о психологическом эффекте, произведённом стрельбой. В любом случае приблизиться на достаточно близкое расстояние к берегу из-за малых глубин флотилия не могла, поэтому шведы продолжили следовать вдоль побережья на юг, пока не достигли монастыря Андрусово⁸⁶. Там на берег была высажена десантная партия в составе 78 солдат. Очевидно, известия о появлении в районе шведской флотилии быстро распространялись по побережью и население села, увидев подходившие со стороны озера суда, бежало в лес «со всеми лучшими вещами». Шведские солдаты сожгли оставленные на берегу около двадцати рыбацких лодок и рыболовные снасти, а в домах в качестве добычи им досталась «большая часть их шуб и белья». На ночь десант был возвращён на суда из-за появившейся на берегу русской кавалерии, численность которой всё более и более возрастала. В докладе в Адмиралтейств-коллегию при описании событий у Андрусово Г. фон Нумерс особо подчеркивал, что действовал строго в соответствии с королевским указом, воздерживаясь от поджогов и разграбления⁸⁷. Если от поджогов частных домов и деревянной церкви вице-адмирал действительно воздержался, то захват скарба и имущества был явным грабежом населения.

После высадки десанта флотилия взяла курс к западному берегу озера, сделав небольшую остановку у острова Коневец 9 июля. Через два дня, 11 июля, четыре судна флотилии вновь были у русского берега, где была сделана повторная высадка на берег. В этот раз десант был высажен в 6 милях к западу от устья реки Волхов и, так же как и в предыдущий раз, местные жители поспешили скрыться в ближайшем лесу, унося самое ценное из своих пожитков. Добычей десантных партий стали шесть прибрежных лодок и большое количество запасов зерна; всё это было в итоге предано огню⁸⁸. По возвращении десанта на суда флотилия взяла курс на Нотебург. По прибытии на место вице-адмирал, оставив флотилию, направился в Ниен, где встретился с Г. Псиландером, сообщившем ему о предстоящем подходе подкреплений в виде трёх судов, шедших из Карлскруны под командованием К.Г. Лёшерна.

Кроме упомянутого имущества, захваченного десантными партиями при высадках, в документах обнаружена любопытная запись о захвате церковных колоколов. 4 сентября Г. фон Нумерс спрашивал совета у Карла XII о том, как ему поступить с тремя захваченными церковными колоколами, предложив направить их в «немецкую кирху в Карлскруне или использовать на судах военного флота»⁸⁹. Несмотря на то, что описанные высадки и письмо значительно разнесены по времени, поскольку в кампании 1701 г. флотилия более не осуществляла высадок десанта, есть все основания предполагать, что колокола в качестве трофеев были захвачены шведами именно в июле. В соответствии с ответом короля Г. фон Нумерс должен был предать эти три колокола в дар шведской (sic!) кирхе в Карлскруне⁹⁰.

Информация о передвижениях судов на озере во второй половине июля отсутствует. Однако, опираясь на косвенные указания, можно прийти к выводу, что, по крайней мере, два судна из состава флотилии вновь выходили в крейсерство, поскольку, вернувшись к Нотебургу 2 августа, Г. фон Нумерс обнаружил находящиеся там бригаантины «Ёйа», «Диса» и шняву «Астрильд»⁹¹. Ещё через два дня в Ниен прибыли эспинг «Гедан», дубель-шлюпки «Аборен» и «Ешен», которые получили приказ без промедления направляться вверх по реке к Нотебургу⁹². Таким образом, на начало августа Ладожская флотилия насчитывала в своём составе одиннадцать вымпелов, а именно две бригаантины, шняву, две яхты, эспинг и две дубель-шлюпки, а также три вспомогательных судна — краера.

Поскольку прибывшие из Карлскруны бригантины по своим размерам превосходили имевшиеся в распоряжении Г. фон Нумерса суда, то, естественно, вице-адмирал перенёс свой флаг с яхты «Катарина» на одну из них. Его выбор остановился на бригантине «Ёйа»⁹³. Уже 6 августа флотилия снялась с якоря и направилась в озеро. Лейтенант А. Сунд на бригантине «Диса» получил приказ направиться к устью реки Волхов с целью проведения разведки и выяснения численности русских частей, находившихся в этом районе. Остальные суда флотилии взяли курс на северо-восток, и утром 8 августа они встали на якорь у устья реки Тулоксы; в полдень флотилия спустилась к устью реки Олонки. Стоянка не заняла много времени, и уже через час флотилия вновь была у Тулоксы. Г. фон Нумерс отмечал, что противник после его первого появления у русского берега стал более осторожным и бдительным⁹⁴, а поскольку видимых указаний на наличие укреплений в районе устья Тулоксы не было, приняли решение провести рейд вглубь побережья силами нескольких мелкосидящих судов. В восемь часов вечера того же дня «шлюпки с галерами и яхтой "Гедан"»⁹⁵ направились вверх по реке.

Кроме упомянутого эспинга «Гедан», определить состав экспедиции возможно лишь косвенно, поскольку в шведских документах нет единообразия типологии судов. Однако наиболее часто под галерами имелись в виду дубель-шлюпки «Ешен» и «Аборен»⁹⁶.

В четыре часа утра следующего дня флотилия снялась с якоря и предприняла попытку на вёслах приблизиться к устью Олонки, но на подходах к берегу по флотилии был открыт огонь от трёх русских частей. Это стало причиной того, что Г. фон Нумерс воздержался от высадки и отвёл суда от берега. В восемь утра были встречены суда, вернувшиеся из рейда. Согласно докладу, путь вверх по реке прошёл без происшествий, но при возвращении на обоих берегах были обнаружены значительные силы противника, завязался бой, шведам удалось прорваться, потеряв одного человека убитым и двоих ранеными. Потери русских, по свидетельствам участников стычки со шведской стороны, составили 15 или 16 человек⁹⁷. Проверить эти данные не представляется возможным, поскольку русских документов, содержащих упоминания о данном столкновении, не выявлено.

В последующие несколько дней флотилия крейсировала у восточного побережья Ладожского озера. Здесь следует сделать уточнение касательно того, что в полном составе флотилия действовала лишь изредка, зачастую часть судов выделялась из её состава для конвойных операций, отправки донесений, отдельного крейсерства, пополнения запасов и т. п. Это справедливо и для передвижений флотилии во второй декаде августа 1701 г. Так с 9 по 13 августа в разные дни от флотилии отделились «Чёпман аф Новгород» и «Гедан», которые ушли в Кексгольм и Нотебург соответственно, яхта «Катарина» оставалась у острова Мантсинсаари, а «Ешен» и «Аборен» отправлялись для пополнения запасов питьевой воды. С остальными судами Г. фон Нумерс 13 августа также ушёл в Кексгольм, куда он прибыл и сошёл на берег вечером того же дня. Через два дня вице-адмирал, имея под своим командованием лишь бригантину «Ёйа» и шняву «Астрильд», взял курс на юго-восток к Ладоге. Вечером 16 числа шведские суда были в пяти милях от волховскоого устья, около полуночи была замечена русская лодка с четырьмя рыбаками, которая после короткой погони была захвачена, а около двух часов утра была встречена бригантина «Диса».

Командир «Дисы» А. Сунд с докладом прибыл на борт вице-адмиральной бригаантины. Согласно рапорту, во время своего патрулирования «Диса» приблизилась на максимально возможное расстояние к устью реки Волхов, ширина которой «была не более одного мушкетного выстрела». Также в один из дней нахождения в этом районе с бригантины были замечены 17 русских лодок, которые при сближении её окружили. В завязавшемся бою одна из лодок была потоплена орудийным огнём, после чего остальные русские суда

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

отступили к берегу. Шведами были взяты в плен девять русских солдат, один из которых оказался шведским дезертиром, ранее бежавшим в Россию и принявшим православие. От него была получена информация о численности русских войск, противостоявших А. Крунйорту и гарнизона, располагавшегося в Ладогe, а также о развернувшемся в Новгороде строительстве 600 стругов под наблюдением дворянина в ранге капитана⁹⁸. И вновь из-за отсутствия подтверждающих документов о боевом столкновении с русской стороны приходится опираться только на шведские данные, хотя показания пленного солдата касательно строительства соответствовали действительности, поскольку согласно указу Петра I от 17 января 1701 г. постройка 600 стругов велась на реках Волхов и Луга⁹⁹.

В тот же день, 17 августа, вечером, были замечены до 50 русских лодок, двигавшихся под берегом. Из-за мелководья предпринять что-либо против них шведы были не в силах. Бригантины подошли ближе к волховскому устью, где была захвачена ещё одна лодка с 4 человеками на борту¹⁰⁰. На следующий день, видя бесперспективность дальнейшего пребывания в районе, а также опасаясь быть выброшенным на отмель вблизи русского берега из-за усиливавшегося северного ветра и ухудшавшейся погоды¹⁰¹, шведы вступили под паруса и взяли курс на северо-запад к Рискалаксу¹⁰².

Начиная с третьей декады августа по 8 сентября бо́льшая часть флотилии крейсировала между Кексгольмом и Нотебургом. К середине сентября в распоряжении Г. фон Нумерса оказались все суда, включённые в состав флотилии и направленные из Карлскруны; последним прибывшим кораблём был «Один». В целях лучшего восприятия информация по хронологии пополнения флотилии была сведена в таблицу (Табл. 3)¹⁰³.

Таблица 3

Имя	Дата отплытия (Карлскруна)	Дата прибытия (Ниен, Нотебург)	Командир
«Нептунус»	После 3 мая	23 мая	Лейтенант Ханс Хусман
«Чёпман аф Новгород»	—	Июнь	Лейтенант Юхан Петраус
«Санкт-Мария»	—	Июнь	Капитан-лейтенант Ханс Сутхоф
«Санкт-Брита»	—	Июнь	
«Катарина»	Не ранее 28 апреля	12 июня	Лейтенант Якуб Ибсон
«Ёйа»	16 июля	24 июля	Капитан Эрланд Ширна
«Диса»	Не позднее 16 июля	27 июля	Обер-лейтенант Андерс Сунд
«Астрильд»	Не позднее 19 июля	29 июля	Обер-лейтенант Густав Верифельт
«Аборен»	Не позднее 22 июля	4 августа	Унтер-лейтенант Херман Шмидт ¹⁰⁴
«Ешен»	Не позднее 22 июля	4 августа	Обер-лейтенант Килиан Вильгельмс
«Гедан»	Не позднее 22 июля	4 августа	Унтер-лейтенант Патрик Клерк
«Тор»	Не позднее 20 июля	6 августа	Капитан Карл Густав Лёшерн

I. ARTICLES

«Фрига»	Не позднее 20 июля	6 августа	Капитан Магнус Палмгрен
«Лаксен»	Не позднее 10 августа	После 16 августа	Капитан Юхан Хиндрик Нассокин
«Хабор»		Не позднее 10 сентября	Обер-лейтенант Хенрик Бернхард Пайпер
«Один»	Не позднее 3 сентября	После 9 сентября	Капитан Густав Вильхельм фон Йертен

Основным источником информации по перемещению судов флотилии в этот период служит шканечный журнал бригаантины «Ёйа», однако, принимая во внимание характерную манеру заполнения журнала, о мотивах и причинах тех или иных передвижений судов остаётся только строить предположения. По имеющимся данным можно однозначно утверждать лишь то, что флотилия более не предпринимала попыток по высадке десантов на южное и юго-восточное побережье озера и не осуществляла поиск судов противника в этом районе. Веской причиной этому могли стать участвовавшие штормы и переменная погода. Штормы напрямую повлияли на флотилию, поскольку в один из дней между 31 августа и 4 сентября потерпел крушение только что прибывший с Балтики эспинг «Лаксен», который под командованием Юхана Хиндрика Нассокина «в штормовую погоду по беспечности наскочил неозначенный на камень в 3 милях от Нотебурга и 1½ милях от берега на Ладожском озере, вследствие чего само судно было полностью разрушено; однако боеприпасы и другое имущество удалось спасти»¹⁰⁵. Г. фон Нумерс утверждал, что катастрофы удалось бы избежать, в случае если командир эспинга Ю.Х. Нассокин следовал бы в кильватере «Тора» К.Г. Лёшерна, командовавшего отрядом судов¹⁰⁶. С.И. Елагин писал о том, что при крушении Ю.Х. Нассокин погиб¹⁰⁷, но это утверждение явилось результатом неточного перевода им письма Г. фон Нумерса Карлу XII от 4 сентября¹⁰⁸. Этот офицер пережил крушение и был направлен в Карлскруну осенью 1701 г., некоторое время до этого проведя под арестом в Ниене. «Лаксен» стал не единственной жертвой шторма, хотя в другом случае последствия не были столь плачевны. Капитан М. Палмгрен на бригаантине «Фрига», следуя в штормовую погоду и ведя на буксире дубель-шлюпку «Ешен», при попытке выполнить поворот оверштаг не справился с судном, и бригаантина навалилась на шлюпку. Хотя никто из экипажа «Ешена» не пострадал, все боеприпасы и одежда пошли на дно. Поскольку экипаж дубель-шлюпки остался практически нагим, Г. фон Нумерс из своего кармана оплатил покупку одежды¹⁰⁹.

Принимая во внимание сжатые сроки кампании 1701 г., Адмиралтейств-коллегия задолго до её окончания, именно 16 июля, направила предписание командующему флотилией, отталкиваясь от текущей ситуации, определить наилучшее место для зимовки её судов. Обязательным условием, предъявляемым Коллегией к месту зимней стоянки, было наличие крепости либо укрепления, которое могло бы обеспечить защиту вмерзших в лёд судов. Помимо стоянки, Нумерсу вменялось в обязанности заняться организацией склада в Нарве либо Ниене для хранения припасов и провизии для экипажей судов флотилии. Касательно первой директивы в ответном письме от 4 августа вице-адмирал изложил своё видение относительно вывода судов из кампании, согласно которому три или четыре суда предполагалось оставить у стен Нотебурга, а остальные направить в Ниен, имевший удобную гавань. Что касается глубокосидящих судов флотилии, то в случае невозможности их возвращения через бар по причине низкой воды их предлагалось оставить на зимовку у небольшого островка в заливе в четверти мили от Кексгольма. Однако у данного варианта, несмотря на наличие удобной якорной стоянки, обеспечивавшей хорошую защиту от непогоды, имелся значительный недостаток — там отсутствовали какие-либо береговые укрепления¹¹⁰. В отношении второго

Ил. 5. Э. Дальберг. План укреплений Кексгольма. 1681 г.
(Государственный архив. Стокгольм)

задания Нумерс сообщил, что им достигнута договорённость с двумя купцами о приобретении и хранении припасов в Ниене¹¹¹. Переписка между Адмиралтейством и вице-адмиралом относительно зимних квартир и стоянки судов продолжилась, и Коллегия, что было вполне ожидаемо, не одобрила стоянку у Кексгольма, поскольку противник, двигаясь вдоль побережья либо по льду озера, мог легко добраться до стоянки и атаковать суда флотилии. В ответ Г. фон Нумерс писал, что не осмелится возражать против этого и не будет подвергать ненужному риску суда флотилии. Он высказал мнение, что в таком случае наилучшим местом размещения для крупных судов флотилии ему видится Выборг, где, помимо защиты, под орудиями выборгского замка экипажи смогут разместиться на лучших, нежели в Кексгольме зимних квартирах, а также ожидается, что они будут испытывать меньше затруднений со снабжением провизией и припасами¹¹². 31 августа с учётом предписаний Адмиралтейств-коллегии Г. фон Нумерс направил на одобрение монарха окончательный план вывода из кампании судов флотилии. В соответствии с ним в Выборг планировалось отправить «Тор», «Фригу», «Хабор», «Ёйю», «Дису» и «Катарину», шесть малых судов флотилии, а именно «Нептунус», «Астрильд», «Лаксен», «Гедан», «Аборен» и «Ешен» должны были остаться у Нотебурга¹¹³. Карл XII утвердил этот план, но последующие события, как то: пополнение флотилии кораблём «Один», потеря эспинга «Лаксен» и другие обстоятельства, — внесли коррективы в первоначальный план.

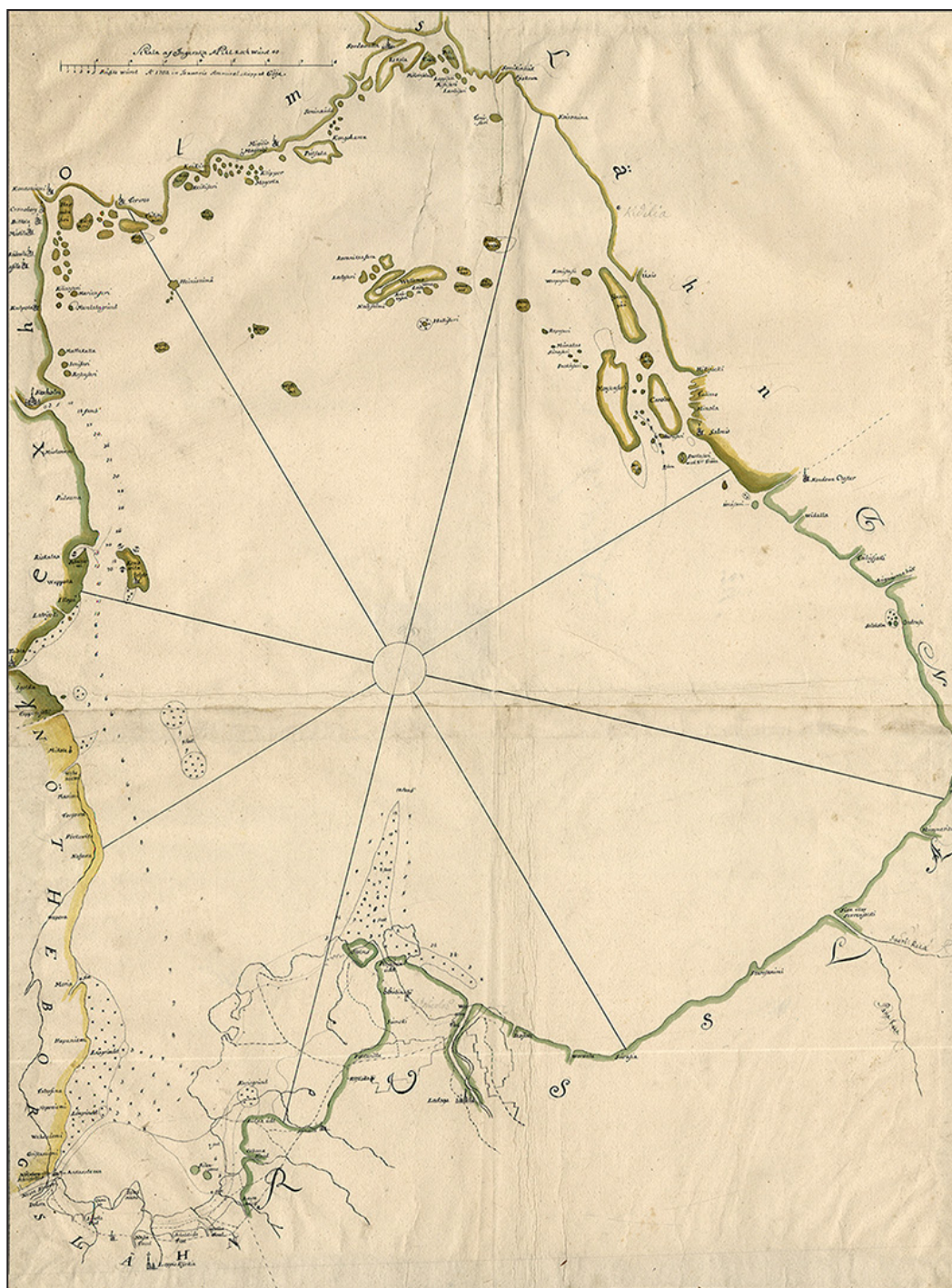
В первых числах сентября начался вывод первых судов флотилии из озера. Так, бригантина «Ейа» 8 сентября начала разгрузку балласта и своз на берег 14 больных из экипажа. Это процедура, в которой ей оказывал содействие эспинг «Гедан», от начала и до того момента, как бригантина отшвартовалась под стенами Нотебурга, заняла всего двое суток¹¹⁴. Вниз по реке указанная бригантина отправилась не сразу, в ожидании вице-

адмирала, отбывшего в Ниен, экипаж провёл кренгование. Моряки очистили подводную часть корпуса, а также проконопатили и просмолили трюм. 16 сентября через бар прошёл краер «Чёпман аф Новгород» и на следующий день ушёл в Ниен. 21 и 28 сентября после разгрузки орудий и балласта отмель прошли соответственно яхта «Нептунус» и бригантина «Диса»¹¹⁵. Суда, определённые на зимовку у Нотебурга, планировалось вытащить на берег. В этом отношении опасение вызывало состояние яхты «Нептунус». Г. фон Нумерс докладывал о том, что по результатам её осмотра офицерами она была найдена старой и ветхой и при вытаскивании на берег «она разве что не развалится на части»¹¹⁶. По этой причине яхта «Нептунус» покинула Нотебург 29 сентября, отправившись вниз по Неве в Ниен. «Ёйя», вновь под адмиральским флагом, последовала за ней 3 октября, прибыв в Ниен через два дня. Собравшаяся на ниенском рейде часть флотилии, состоявшая из «Ёйи», «Тора», «Катарини», «Дисы» и «Одина»¹¹⁷, снялась с якоря и взяла курс на Выборг 5 октября. Плавание до Выборга, продлившееся пять дней, не было отмечено событиями, за исключением посадки на мель корабля «Один» 7 октября при выходе из невского устья. По невыясненным причинам бригантина «Диса» задержалась, и к Выборгу прибыла уже в момент ледостава, и не смогла дойти до якорной стоянки судов флотилии, оставшись вмёрзшей в лёд на расстоянии одной мили от выборгского замка¹¹⁸. 24 октября суда были выведены из кампании, а экипажи размещены на зимних квартирах.

На момент получения указа монарха с утверждением мест зимовки флотилии «Хабор» и «Фрига», наряду с остававшимися в Нотебурге судами, продолжали крейсерство на озере и, как докладывал Нумерс, из-за противных ветров не смогли отправиться в Выборг с остальными. Позже тяжёлая ледовая обстановка вынудила их прервать переход в Выборг и остаться в Ниене¹¹⁹. К началу ноября малые суда у Нотебурга также закончили кампанию и были вытащены на берег. В итоге распределение судов Ладожской флотилии между гаванями на момент окончания кампании выглядело следующим образом: Выборг — «Ёйя», «Тор», «Один», «Катарина», «Диса»; Ниен — «Хабор», «Фрига», «Нептунус», краеры; Нотебург — «Астрильд», «Гедан», «Аборен», «Ешен».

Упомянутая выше яхта «Нептунус» была не единственным судном, состояние которого вызывало беспокойство у командующего. Яхта «Катарина» также была признана «абсолютно негодной для этой экспедиции», в связи с чем Г. фон Нумерс обратился с просьбой в Адмиралтейство отозвать в Карлскруну имевшиеся в его распоряжении яхты, заменив их на равноценные суда¹²⁰. Адмиралтейств-коллегия удовлетворила просьбу вице-адмирала, проинформировав его письмом от 29 ноября о находившихся на стапелях в Карлскруне двух бригантин «с размерам, схожими с бригантиной "Ёйя"», которыми планировалось заменить суда, признанные негодными¹²¹.

Из сохранившейся до наших дней обширной переписки касательно дел Ладожской флотилии немалая её часть уделена вопросам снабжения припасами и провиантом. Согласно исследованию И.Г. Дурова, в начальный период Великой Северной войны (1700 – 1709) в шведском королевском флоте «плавсостав практически не испытывал трудностей, связанных с котловым довольствием нижних чинов и своевременным получением офицерами столовых денег»¹²². Однако Ладожская флотилия оказалась именно тем исключением, по крайней мере в период её становления — в 1701 – начале 1702 годов. Сжатые сроки организации флотилии, отсутствие налаженной системы снабжения из метрополии и на местах, а также проблемы с финансированием приводили к неизбежным нехваткам продовольствия. Весьма показательным примером может служить фраза из письма Г. фон Нумерса королю о том, что «люди начали болеть из-за того, что им приходится пить воду и практически ничего не предпринято для обеспечения провизией, то и другое [провизия и вода] в крайней

Ил. 6. К. Эдберг. Карта Ладожского озера. Январь 1702 г.
(Военный архив. Стокгольм)

нужде»¹²³. Естественно, взаимосвязь между употреблением воды вместо пива и возникновением болезней в экипажах отнюдь не очевидна. Однако главным здесь является указание на проблемы с провиантом. Подобные жалобы и просьбы исправить ситуацию продолжали поступать в течение кампании 1701 г., а также в период размещения экипажей на зимних квартирах зимой и весной следующего года. В целом, согласно ведомостям по отпуску провизии, направляемой из Стокгольма, ассортимент продуктов, входивших в пищевой рацион экипажей флотилии, включал следующее: крупа ячменная, крупа манная, горох, мука, хлеб, сухари, масло коровье, пиво, ветчина, рыба сушеная, мясо солёное, солёная лососина и сельдь¹²⁴. Запросы на выплату задерживаемых столовых денег от офицеров флотилии поступали командующему регулярно, и с той же регулярностью они перенаправлялись в Адмиралтейств-коллегию и Казначейство¹²⁵.

Кроме провианта, остро стоял вопрос обеспечения экипажей судов обмундированием и зимней одеждой. По имеющимся свидетельствам экипажи и морские пехотинцы прибывали на Ладугу, имея на каждого лишь пару чулок, пару башмаков, куртку грубого сукна, пару штанов и фуфайку¹²⁶. Задолго до наступления зимы Г. фон Нумерс выказывал Адмиралтейств-коллегии свою озабоченность состоянием обмундирования и отсутствием тёплых вещей¹²⁷. Помимо Карлскруны, вице-адмирал обращался за помощью в обеспечении экипажей флотилии одеждой и обувью к губернаторам Нарвы и Выборга, однако получил отказы по причине отсутствия в этих крепостях запасов обмундирования¹²⁸. Ситуацию удалось немного исправить благодаря нескольким партиям обмундирования, прибывшим из Швеции в декабре 1701 г., а также в январе и апреле 1702 г. и распределённым между тремя стоянками судов флотилии. Помимо новых уже перечисленных предметов одежды, экипажи получили также шерстяные носки и тканые жилеты. Также, кроме готовых платьев и обуви, направлялись ткани и сукна для пошива нательных сорочек и камзолов. К примеру, в одной из партий был получен материал достаточный для изготовления 300 сорочек и камзолов¹²⁹. Фельдшеры судов флотилии получали отрезки ткани по три локтя для перевязочных материалов. Однако, даже несмотря на упомянутые поставки одежды и обуви, их не хватило для полного удовлетворения потребностей всех экипажей, и в мае следующего года встречаются записи Г. фон Нумерса, где он пишет, что башмаки у некоторых имели такой жалкий вид, что не поддавались никакому описанию¹³⁰. Дела с выплатой денежного содержания также обстояли не лучшим образом. Так в мае 1702 г. вице-адмирал сообщал, что офицеры и нижние чины флотилии уже почти два года находились на полумесечном жаловании¹³¹.

Обер-штурман К. Элдберг после окончания в июне 1701 г. картографирования Невы от истока до устья остался в регионе и, находясь в Ниене, в октябре получил приказ Г. фон Нумерса изготовить комплект из двух карт Ладожского озера для каждого судна флотилии, опираясь на наблюдения и сведения, собранные в ходе летней кампании¹³². Одна из таких карт, выполненная для флагманской бригаантины «Ёйа», сохранилась до наших дней и приведена здесь (Ил. 6).

Формально являясь командующим не только Ладожской флотилии, но также и флотилии, базировавшейся на Дерпт, Г. фон Нумерс принимал посильное участие в делах последней, ведя переписку с её оперативным командиром Ю. Хёкефлюхтом, королём, Адмиралтейств-коллегией и высшими чиновниками Лифляндии и Эстляндии. В декабре 1701 г. с целью проведения инспекции работ по организации флотилии в Дерпте и не в последнюю очередь ради проведения кадровых перестановок в командовании этой флотилии¹³³, вице-адмирал предпринял поездку в Дерпт, прибыв в город-крепость 13 января 1702 г. После согласования с королём руководство флотским подразделением на Чудском озере было поручено командиру корабля «Тор» капитану К.Г. Лёшерну, который, помимо прочего, приходился

племянником вице-адмиралу Г. фон Нумерсу. Вместе с К.Г. Лёшерном назначение в Дерпт с Ладоги также получили унтер-офицеры Х. Умбехавен и А. Роселиус¹³⁴. Однако это кадровое усиление одной флотилии за счёт другой не было последним, поскольку в марте 1702 г. К.Г. Лёшерн сообщал о переведённых с Ладоги 4 унтер-офицерах, 10 матросах, парусных дел мастере и фельдшере¹³⁵. По всей вероятности, эти люди либо по крайней мере часть из них составляли ранее экипаж погибшего при крушении эспинга «Лаксен». Об их отправке в Дерпт Г. фон Нумерс информировал в Адмиралтейство 25 февраля 1702 г.¹³⁶. Оставленный К.Г. Лёшерном в Выборге корабль «Тор» принял под своё командование переведённый с яхты «Нептунус» обер-лейтенант Ханс Хусман.

Кампания 1702 г.

Основными вопросами, которые предстояло решить командующему флотилии Г. фон Нумерсу для подготовки к кампании следующего года, оставались насущные проблемы с обеспечением экипажей провиантом, одеждой, медикаментами и денежным довольствием. Незначительные изменения произошли в кадровом составе флотилии. В соответствии с полученным разрешением на замену признанных негодными судов в Карлскруну были отправлены две яхты. Яхта «Катарина» вышла из Выборга 18 апреля, а яхта «Нептунус» под командованием лейтенанта Юхана Петрауса покинула место зимовки в Ниене не позднее 28 апреля¹³⁷. Призванные их заменить бригантины были построены под руководством Ч. Шелдона на верфи Карлскруны и спущены воду в один день 24 марта. Они получили имена двух братьев Диоскуров из греческой мифологии «Кастор» и «Поллукс». Приказ-инструкция, полученный командиром «Кастора» Юханом Килианом Вильгельмсоном 22 апреля, предписывала ему с первым же попутным ветром выйти в море и направиться в Ладожское озеро¹³⁸. Подготовка бригантины «Поллукс» заняла больше времени, поскольку аналогичный приказ её командир Дидрих Анкарширна получил лишь 19 мая¹³⁹.

В отличие от предыдущего года, когда А. Крунйортом были зафрахтованы три краера, в кампании 1702 г. Г. фон Нумерс ограничился только одним, следующим образом объяснив своё решение королю: «...ради обеспечения военного флота Вашего Королевского Величества провиантом и снабжения предметами первой необходимости мне пришлось зафрахтовать один краер, именуемый "Чёпман аф Новгород"... который способен дать отпор противнику, что немаловажно, поскольку единственное место, где флот может пополнять запасы провизии, находится в Кексгольме, а этот краер благодаря своей вместительности способен принять провиант для всего флота»¹⁴⁰.

Приготовления русской стороны к кампании 1702 г. были куда более масштабны. Завершавшаяся постройка стругов на Волхове и Луге отвечала тактическим задачам предстоящей кампании. А именно: русские флотилии, состоящие из стругов, карбасов и сойм с посаженными на них «ратными людьми» из состава полков пешего строя под общим командованием ближнего окольничего Петра Матвеевича Апраксина, должны были дать отпор и предотвратить высадки шведских десантов на русское побережье озера. Местом сосредоточения русских войск, откуда планировалось отправлять «плавные караваны» в озеро, стал город Ладога. Уже 27 апреля 1702 г. П.М. Апраксин докладывал царю: «Суды на Ладожское озеро казакам зделаны на отпор неприятельским воинским судам, которые у них в прошлом годе и ныне болши того будет... и меньшие, государь, суды казакам все зделаны»¹⁴¹. Из стратегических целей, распространявшихся отнюдь не только на кампанию предстоявшего года, а значительно дальше, следует отметить именной указ Петра I от 22

января 1702 г. который предписывал: «...в оборону и на отпор неприятельских свейских войск на Ладожское озеро сделать военных 6 кораблей по 18 пушек... а делать те корабли на реке Сяси, которая впала в Ладожское озеро... и на реке Паше, которая впала в Свирь, а Свирь в Ладожское озеро...»¹⁴², а также устройство водно-волокового пути от Нюхчи на южном берегу Белого моря до Повенца на северном побережье Онежского озера, получившего название Осударева дорога¹⁴³. По последней трассе в августе 1702 г. были перетащены два 12-пушечных малых фрегата «Св. Дух» и «Курьер»¹⁴⁴. Нельзя исключать из числа мотивов, побудивших царя на столь трудоемкое мероприятие, стремление получить полностью боеготовые суда на Ладоге до завершения строительства заложенных на новых верфях. Дальнейшие события показали, что, несмотря на то что «Св. Духу» и «Курьеру» не представилось случая сойтись в бою с судами шведской флотилии, они приняли действенное участие в осаде Нотебурга в сентябре – октябре 1702 г. Во время осады они располагались на корабельном фарватере в качестве заслона, дабы пресечь возможную помощь осажденной крепости, которая могла подойти из Кексгольма на судах по озеру.

Суда флотилии, находившиеся на зимовке в Выборге, открыли кампанию 15 апреля, через три дня после окончания погрузки недостающего провианта и воды, вступив под паруса. 24 апреля был пройден Ниен, а 3 мая флотилия в полном составе собралась у нотебургского бара. На протяжении последовавшего месяца суда флотилии были заняты рутинным крейсерством в шведской части озера; единственное зафиксированное приближение к русскому побережью состоялось 31 мая, когда бригантина «Ейя» была обстреляна с берега около устья Тулоксы и при прохождении деревни Андрусово¹⁴⁵. 20 мая в районе острова Коневец была захвачена одна русская лодка, которая после была направлена в Нотебург. С прибытием новых бригантин Г. фон Нумерс решил перенести свой флаг на одну из них, а именно на «Кастор». 5 июня вице-адмирал покинул «Ейю» и перевёз своё имущество на «Хабор», находясь у Кексгольма. Окончательно перенос флага завершился, по-видимому, по прибытии флотилии в Нотебург.

Активные, помимо крейсерства, действия флотилии, которые в итоге привели к боевым столкновениям с противником, начались 8 июня. Именно в этот день Г. фон Нумерсом была получена информация от нотебургского коменданта Г.В. Шлиппенбаха, который в свою очередь добыл эти сведения в результате дознания русских пленных о том, что устье Волхова готовы покинуть 8 новых русских фрегатов. Как нам известно теперь, информация, оказавшаяся в распоряжении шведов, была верна лишь в части того, что указывала на строительство фрегатов на Сясьской верфи, однако заложенные на ней в мае 1702 г. два малых фрегата были спущены на воду лишь в сентябре. Для Нумерса же полученных сведений оказалось достаточно, чтобы на следующий день, имея под своим командованием восемь судов флотилии, вступить под паруса и направиться к волховскому устью. О дальнейших событиях вице-адмирал рапортовал королю: «...по прибытию на предполагаемое место, я выстроил флот в надлежащий порядок и дал "шведский сигнал"¹⁴⁶, для того чтобы обозначить своё присутствие и вынудить врага выйти, но противник не появился»¹⁴⁷. Из-за того, что в составе этого отряда отсутствовала бригантина «Ейя», которая в это время силами своего экипажа проводила кренгование судна у Кексгольма¹⁴⁸, определить по шканечному журналу точные даты и хронометраж передвижений отряда не представляется возможным. Тем не менее через некоторое время, видя бесперспективность дальнейшего пребывания в данном районе, флотилия взяла курс на северо-восток к устью реки Воронежки. 14/15 июня на подходах к устью с судов флотилии были замечены шесть русских лодок, за которыми немедленно была организована погоня на вёслах и под парусами, но русские повернули к берегу и вошли в устье реки. Шведские суда, встав на якорь, начали высадку десанта на берег. С судов было сведено

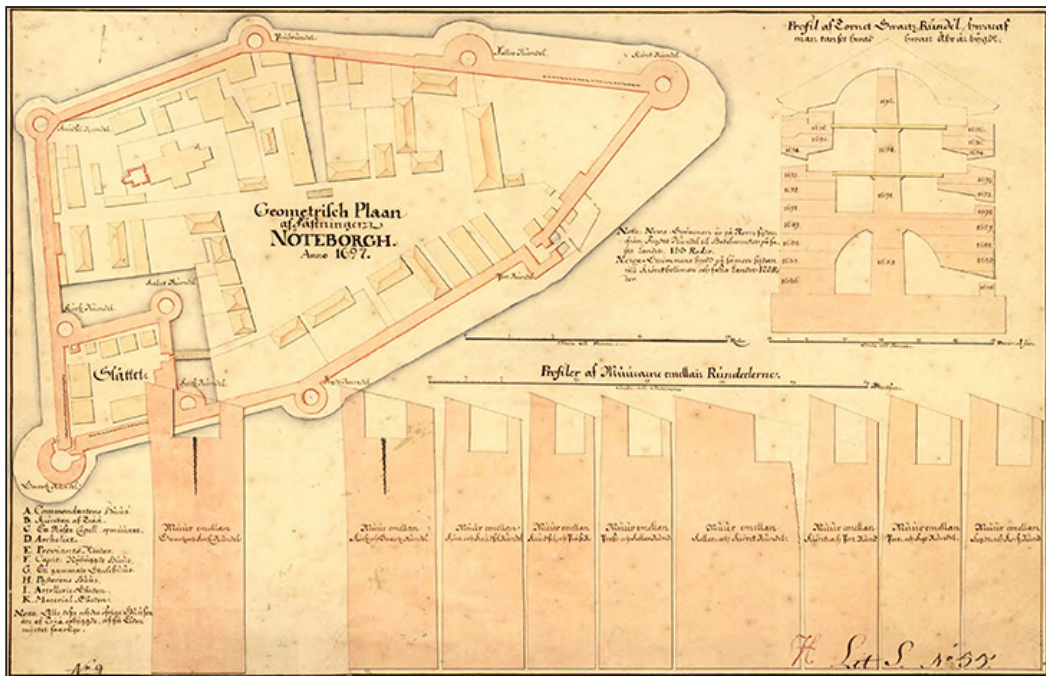
до 100 солдат морской пехоты и часть экипажей судов. Помимо прочего, десант должен был постараться захватить на берегу языков, от которых Г. фон Нумерс намеревался получить информацию о противнике. Однако всё население бежало в лес при появлении флотилии, и десант, не встречая сопротивления, начал разграбление двух «боярских» поместьев и нескольких хуторов. Были обнаружены большие запасы зерна, но по причине спешки вывезти его не представилось возможным и оно было предано огню. Обнаруженная домашняя скотина была заколота, а мясо было перевезено на суда для нужд экипажей. Об этой высадке сохранились сведения с русской стороны. Так, П.А. Кротов приводит выдержку из рассказа пономаря М. Варфоломеева олонецкому воеводе И.Я. Яковлеву: «...приходили на Шуряйской Нос неприятельские люди — шведы — и разорили и пожгли пять деревень, только людей ни единого человека не взяли: все ушли в лес»¹⁴⁹. Небезынтересны слова Г. фон Нумерса, объяснявшие действия десанта при высадке у Воронежки: «Я не мог воспрепятствовать финским солдатам, которые были полны решимости отомстить за жестокие и нечеловеческие убийства и поджоги, учинённые врагом ранее на Монсенсаари»¹⁵⁰.

На последнем упоминании о рейдах русских следует остановиться отдельно. Согласно докладу воеводы П.М. Апраксина царю¹⁵¹, из состава, находившегося под его командованием полка Г.А. Янковского, были выделены 400 солдат и офицеров под оперативным командованием подполковника П.И. Островского, который до весны 1702 г. находился «у строгого дела» на Волхове. Они были направлены «плавным караваном» в Ладожское озеро «в неприятельскую сторону». Численность судов, составлявших русский отряд, в российских источниках и трудах не указывается. Однако встречающиеся в шведских источниках 16–18 «ладей» не дают повода усомниться в надёжности этих данных, поскольку при общей численности посаженных на них четырёх сотен солдат, это предполагает около 25 человек на один струг, что, в свою очередь, совпадает с принятой средней вместимостью струга в 25–30 человек¹⁵². Дата отправки отряда неизвестна, однако вполне вероятно, что это произошло в те же дни либо чуть раньше, когда шведская флотилия взяла курс на устье Волхова. Противники разминувшись, и если шведы остановились у Воронежки, то русский отряд направился в район Кексгольма. Логичным будет предположить, что курс отряда пролегал вдоль русского берега озера на север, поскольку, выйдя на открытую воду, отряд при определённых обстоятельствах и погодных условиях мог стать лёгкой добычей для более мореходных и вооружённых артиллерией судов шведской флотилии. Подтверждением выбора данного курса может служить то, что на своём пути отряд совершил высадки на острова Валаам и Мантсинсаари, находящиеся севернее широты Кексгольма. Подробностей касательно десантов на острова и дат П.М. Апраксин не сообщает, но если Г. фон Нумерсу было известно о них и их последствиях, то они наверняка имели место до 14/15 июня. Вполне вероятно, что именно об этих высадках русских докладывал в Комиссию по обороне комендант Выборга А.Г. Линдйельм, хотя в его рапорте они датированы 23 июня¹⁵³. Он сообщает, что в этот день русский десант высадился на острове Валаам, на котором находились пять крепких крестьянских ферм и некоторое количество небольших хуторов. В результате нападения все строения были сожжены и погибли 12 человек¹⁵⁴, остальным жителям удалось скрыться, и впоследствии они покинули остров. Домашняя скотина была заколота, часть была взята на суда, а то, что не уместилось на лодках, было брошено. Далее русский отряд спустился к югу, достигнув побережья Кексгольмского лёна и «в тех местах разорили и пожгли 52 деревни и многих тутошних жилацких людей побили»¹⁵⁵. После завершения этого рейда отряд П.И. Островского тем же маршрутом отправился обратно к русскому берегу. На подходах к устью Воронежки им была обнаружена шведская флотилия, десантные партии с которой, «пригребши на берег, жгут и разоряют... деревни».

Шведская флотилия после десанта у Воронежки 14/15 июня крейсировала на небольшом удалении от русского берега. В тот же день были замечены две крупные лодки, которые также заметили шведов и немедленно повернули к берегу, в погоню за ними был отправлен К. Вильгельмс на «Гедане». Как потом сообщал вице-адмирал¹⁵⁶, одна из лодок гружёная мукой и рожью была потоплена орудийным огнём, а вторая была брошена экипажем, который предварительно сбросил за борт большую часть груза. Несмотря на это, шведам досталась сама лодка и четыре бочки пороха, который был распределён между судами флотилии. Захваченное шведами за последние дни имущество на борту «Гедана» было отправлено в Нотебург. В течение последующих полутора недель флотилия продолжила крейсерство в озере, часть кораблей ходила к Нотебургу, в частности адмиральская бригантина «Кастор», где командующий съехал на берег и отправился в Ниен. В это же время к основной части флотилии присоединилась бригантина «Ёйа», закончившая работы по очистке корпуса. 22 июня Г. фон Нумерс вернулся из Ниена, и после проведения военного совета вечером того же дня флотилия вступила под паруса. Через два дня шведские суда были на траверзе Андрусово, держа курс на юго-запад и продвигаясь вдоль русского побережья.

Точный корабельный состав находившихся в тот момент под командованием Г. фон Нумерса судов неизвестен, по информации П.М. Апраксина, у шведов было «8 шкут». В то же время наверняка известны имена трёх судов, которые отсутствовали, а именно «Астрильд», «Гедан» и «Ешен». Гарантированно участвовавшие в деле «Кастор», «Ёйа» и «Аборен» оставляют тем самым на пять «вакантных мест» шесть «кандидатов» («Тор», «Один», «Хабор», «Фрига», «Диса», «Поллукс») из общего состава флотилии в кампании 1702 г.

С опорой на выявленные источники с обеих сторон¹⁵⁷, дальнейшее развитие событий видится следующим образом. В пятницу 27/28 июня шведская флотилия вновь подошла к устью реки Воронежки. В четыре часа пополудни на борту «Кастора» состоялся военный совет, на котором было принято решение произвести высадку на берег. Невозможность подойти близко к берегу для осуществления высадки заставила шведов бросить якорь за три версты от устья. Единственным вооружённым судном флотилии, способным на обеспечение высадки непосредственно у берега, оказалась дубель-шлюпка «Аборен». Начавшийся своз десантных партий на лодках и шлюпках, зашедших в реку, завершился к восьми часам вечера. В общей сложности на берегу оказалось до 400 шведов, в том числе около 300 солдат морской пехоты и моряки из состава команд судов. По всей видимости, командующий лично принимал участие в высадке. Начавшееся разграбление прибрежных хуторов не продлилось долго, поскольку в девять часов со стоявших на якоре судов заметили двигавшийся с севера русский отряд из шестнадцати «15–16-вёсельных ладей с 60–70 человеками на каждой, вооружёнными мушкетами и пиками». Отряд П.И. Островского, прибывший на место разворачивавшихся событий, начал на вёслах спускаться на противника, намереваясь отрезать находившихся на берегу шведов от своих судов, тем самым лишив их возможности отступления. Как только Г. фон Нумерс получил информацию о приближающемся отряде русских, он немедленно отдал сигнал к отступлению. Шведский десант бросился обратно к своим лодкам и в спешке начал отходить к судам, отстреливаясь от также открывших огонь и приближающихся русских стругов. Г. фон Нумерс позже писал, что при отходе несколько лодок замешкались и три замыкающих отход шлюпки попали под шквальный огонь русских. Дубель-шлюпка «Аборен», находившаяся в самом арьергарде, оказалась окружена русскими стругами. «Аборен» продолжила ружейным и орудийным огнём отбивать атаки противника и через полтора часа смогла пробиться через заслон русских судов. Малые глубины и слабый ветер привели к тому, что из состава стоявших на якоре судов флотилии лишь «Ёйа» смогла приблизиться достаточно близко,

Ил. 7. План укреплений Нотебурга. 1697 г. (Военный архив. Стокгольм)

чтобы поддержать возвращающийся десант огнём своих пушек. Согласно реляции вице-адмирала, «Ёйе» даже удалось потопить два русских струга, хотя в шканечном журнале самой бригантины подобная информация отсутствует¹⁵⁸. После того как шведам удалось вернуться на суда, русский отряд поднялся вверх по реке.

Каждая из сторон поспешила отрапортовать о собственных успехах, так П.М. Апраксин докладывал царю: «...неприятельских людей твои государевы ратные люди побили больше 150 человек», шведы также не остались в стороне, сообщая о «множестве убитых и раненых», оставшихся на русских ладьях. Субъективно завышая потери противника, собственные потери стороны тем не менее представили куда менее внушительными. Так, с русской стороны «начальных людей порутчиков 2 человек, солдат 6 человек ранили да убито до смерти солдат саратовских и самарских 5 человек». Потери шведов были соизмеримы: 15 раненых, среди которых были лейтенант Г. Веннерштен, 4 унтер-офицера и 10 нижних чинов, и 12 человек убитых, в том числе 4 унтер-офицера и 8 матросов и солдат. Большая часть шведских потерь среди личного состава пришлось на дубель-шлюпку «Аборен».

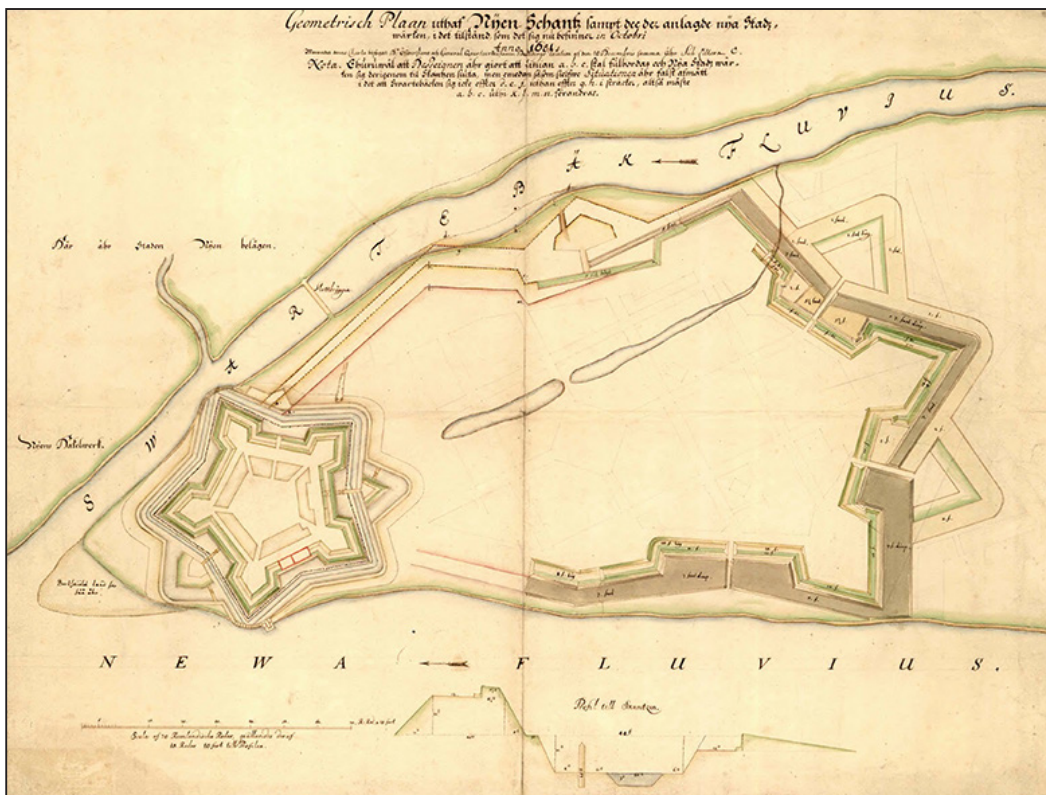
Результат боевого столкновения нельзя однозначно принять как победу одной из сторон, хотя если расценивать его через призму стоявших перед противниками задач, то предотвращение разорения очередного поселения на своём побережье можно занести в актив русскому отряду. Поспешность, с которой шведский десант ретировался на суда флотилии, можно связать с неверной оценкой шведского командующего сил противника и решительностью, с которой русские пошли в атаку. Г. фон Нумерс также впоследствии сетовал на отсутствие в его распоряжении других малых вооружённых судов флотилии, благодаря которым, по его мнению, можно было бы полностью уничтожить неприятеля.

Несоответствие в датах произошедшей стычки между противниками, которая по шведским данным случилась 27/28 июня, а по русским 14/15 июня, объясняется просто. Все российские исследователи, так или иначе освещавшие данные события, ошибочно трактовали фразу в письме П.М. Апраксина «нынешняго июня в 15-й день пришли неприятельские швейские 8 шкутов...»¹⁵⁹ за дату боевого столкновения. Между тем это упоминание П.М. Апраксина относится к первой высадке шведов у Воронежки, а столкновение имело место быть уже при возвращении «плавного каравана» П.И. Островского.

После боя шведская флотилия на протяжении суток оставалась в данном районе, держась в двух милях от устья реки, после чего вступила под паруса и направилась в Кексгольм для того, чтобы свезти на берег раненых. На якорь в устье Вуоксы флотилия встала 30 июня. В последующие два месяца флотилия не имела более или менее значимых встреч с противником и продолжала крейсерство в озере как в составе отрядов, так и одиночными плаваниями судов. Единственным источником, позволяющим отследить их перемещение в эти месяцы хотя бы отчасти, как и ранее является шканечный журнал бригаантины «Ёйя». И вновь кажущаяся хаотичность передвижений «Ёйи» и некоторых других упомянутых в журнале судов не позволяет судить о мотивах и замыслах командующего, однако описанные переходы и крейсерства происходили исключительно в шведской акватории озера. Не исключено, что активизировавшийся противник, совершавший рейды на шведские берега озера, заставил Г. фон Нумерса отказаться от набегов на прибрежные поселения и поиска отрядов неприятеля, державшихся на мелководье, и сосредоточиться на крейсерстве и патрулировании у собственного берега в попытке предотвратить русские десанты, а также обезопасить судоходство между Кексгольмом и Нотебургом. Записи в журнале «Ёйи» фиксируют постоянное дежурство шведских судов у Нотебурга в заливе, который сейчас носит название Бухта Петрокрепость. 31 июля к берегу у Кобоны высылались шлюпки, чтобы сжечь замеченное на побережье рыбацкое становище и находившиеся там же рыбацкие лодки¹⁶⁰. 11 августа в том же районе у островов Зеленцы с «Ёйи» были замечены 36 русских лодок, двигавшихся на вёслах и под парусами. По ним был открыт огонь, в ответ также велась ружейная стрельба, насколько позволяло расстояние. Вскоре русский отряд отвернул на мелководье, и шведы, не имея возможности преследовать его дальше, легли на курс к Нотебургу¹⁶¹.

Отсутствие в распоряжении Г. фон Нумерса судов, способных навязать бой русским стругам и карбасам на прибрежных отмелях, заставило его вновь направить в Адмиралтейств-коллегию предложения о наиболее подходящих типах судов для действий на озере. По его мнению, это должны были быть либо эспинги, вооружённые, так же как «Гедан» двумя 6-фунтовыми орудиями и шестью 3-фунтовыми фальконетами, с осадкой 2–3 фута, либо 12–16-баночные «галеры», которые он мог бы использовать «для преследования хитрого противника, который не желает встречи на глубине»¹⁶². В отношении ряда судов флотилии у Г. фон Нумерса также имелись претензии. Он писал, что от «дубовых кораблей»¹⁶³ слишком мало пользы: «Тор» имел слишком большую осадку и оказался плохим ходоком под парусами, «Хабор» же прогнил и в целом бесполезен¹⁶⁴. Прошение вице-адмирала к Адмиралтейств-коллегии отказаться от этих судов было отклонено, но он получил заверения в том, что в кампанию следующего года ему будут предоставлены ещё две бригаантины¹⁶⁵.

Касательно действий русских флотилий и отрядов в период после описанного боя 27/28 июня выявленные сведения носят отрывочный характер, по сути, ограничиваясь несколькими письмами царю П.М. Апраксина¹⁶⁶ и его же «Журналом шведских служб». Согласно этим источникам, по приказу окольничего государя был снаряжен плавный караван из тридцати стругов с посаженными на них 750 солдатами и офицерами полка И.А. Тыртова¹⁶⁷. Полковник И.А. Тыртов, переведённый на Ладогу со своим полком всего

Ил. 8. Э. Дальберг. План укреплений Ниеншанца с проектом новых городских укреплений. 1681 г. (Военный архив. Стокгольм)

лишь несколькими месяцами ранее, в мае – июне 1702 г., участвовал в боях со шведской Дерптской флотилией К.Г. Лёшерна на Чудском озере, один из которых закончился захватом яхты «Флундран» 30/31 мая¹⁶⁸. У отправленного в озеро, по всей видимости в первых числах августа, отряда И.А. Тыртова «со многими их неприятельскими шкутами были... бои ис пушек многою стрельбою не по одно время, и отпор неприятелем дан крепкой, от чего принуждены от него отступить к самому Орешку и к своему берегу». Столь обобщённое описание не позволяет выяснить, о каких именно столкновениях идёт речь, хотя это могли быть стычки и перестрелки наподобие той, запись о которой сохранилась в шканечном журнале бригаантины «Ёйа» от 11 августа, упомянутая выше. Налёты на шведское побережье в Кексгольмском лёне продолжались. Так одна из зафиксированных в документах высадок произошла, когда русский отряд на лодках вошёл в реку Авлогу и, поднявшись по ней, захватил мызу Матокса. В плен попали сам хозяин с домочадцами и родственниками и ещё около двадцати мужчин и женщин. Трофеями русских, помимо прочего, стали 29 ружей и триста ручных гранат.

В конце августа, 28/29 числа произошло очередное столкновение противников. Данные об этом бое ограничиваются лишь несколькими упоминаниями в письменных источниках с обеих сторон¹⁶⁹, не позволяющими в полной мере раскрыть детали. Согласно этим документам события разворачивались следующим образом.

Из шведского отряда, несшего дежурство в районе Нотебурга, были выделены корабль «Тор» и дубель-шлюпка «Ешен». Корабельный состав отряда неизвестен. По русским данным, он насчитывал шесть выпелов. Отделившиеся суда направились к мысу Ледна-удд¹⁷⁰, где командир «Тора» обер-лейтенант Х. Хусман 29 августа отдал приказ дубель-шлюпке продвинуться дальше на мелководье для наблюдения за возможными передвижениями противника. В семь часов утра с «Ешена» был замечен русский отряд, выходящий из устья реки¹⁷¹ и состоявший из 36 ладей и 15–16-вёсельных «галер», в числе которых также находились «один хорошо вооружённый прам и большая шкута». Данную численность русского отряда нельзя принять как единственно верную, поскольку несколькими днями позже Г. фон Нумерс докладывал королю о 33 русских выпелах. Также сомнения вызывают данные о праме и крупной шкуте. Вероятно, за них шведами были приняты более крупные по размерам струги в отряде И.А. Тыртова, возможно вооружённые небольшими орудиями. После обнаружения русских «Ешен» вернулся к «Тору». Очень слабый ветер не позволил шведам ретироваться, и было принято решение принять бой. Известно, что во время боя «Ешен» находился на буксире у «Тора». В качестве предположения можно выдвинуть версию о том, что, видя неизбежность боя, Х. Хусман мог отдать приказ экипажу дубель-шлюпки перейти на корабль, сконцентрировав силы в единственном очаге обороны и тем самым усилив свою позицию. Численность оборонявшихся можно определить лишь ориентировочно. На двух судах находилось 65–70 человек команды и до 50 солдат морской пехоты.

Русский отряд, бросившийся в атаку на вёслах, стремился как можно скорее выйти из-под орудийного огня «Тора», который на тот момент был вооружён десятью 3-фунт., двумя 1-фунт. орудиями и тремя 24-лотовыми¹⁷² фальконетами. Русские струги, приблизившись к шведам, окружили суда и пошли на абордаж. Не имея возможности более использовать артиллерию, шведы пустили в ход ручные гранаты, зажигательные ядра и мушкеты. Первый штурм был отбит, так же как и все последовавшие за ним. Во время одного из абордажей был захвачен флаг шведского корабля. Видя невозможность взять штурмом неприятельский корабль, русские предприняли попытку его потопить. Зайдя со стороны незащищённой кормы, нападавшие взялись за топоры и начали рубить корпус в районе ватерлинии. Корабль получил пробоину и начал набирать воду. Х. Хусман отдал приказ срочно переташить одно из орудий в кормовую каюту и стрелять картечью через окна каюты. Благодаря этому нападение со стороны кормы удалось отбить, а течь устранить. В ходе боя канаты, соединявшие два шведских судна, были перебиты выстрелом, и русским в качестве трофея досталась дубель-шлюпка «Ешен», на которой после были найдены «припасы, да пушка медная, немалая, и знамена, и несколько гранат ручных и ружья».

Несмотря на слабый ветер, из числа оставшихся судов шведского отряда на помощь окружённым судам попыталась прийти шнява «Астрильд». Подойдя на расстояние, когда детали разворачивавшегося боя можно было видеть в подзорную трубу, перед командиром шнявы открылась картина с окружённым многочисленными русскими стругами «Тором» со сбитой крюйс-стенгой, перебитым такелажем и превратившимися в лохмотья и забрызганными кровью парусами. Шведский корабль, как показалось командиру «Астрильда», был уже захвачен противником, и, опасаясь оказаться в такой же ситуации, шнява отвернула назад. Схватка меж тем продолжалась вплоть до часу пополудни, когда русские оставили дальнейшие попытки овладеть «Тором» и отступили.

Потери сторон доподлинно известны только со шведской стороны. Единственным павшим в бою среди россиян, о котором имеется упоминание, является командующий отряда полковник И.А. Тыртов, который «ис пушки картечем убит». Несмотря на описание

произошедшего боя как ожесточённого и кровавого, шведские потери оказались относительно небольшими. Безвозвратные потери команд судов составили три человека: штурман «Тора» Ханс Рупп и два матроса-волонтёра. В число санитарных потерь вошло 12 человек, среди которых был и командир корабля¹⁷³. Ранения, полученные им, были тяжёлыми, и, как сам Х. Хусман писал об этом в 1715 г., «одна пуля прошла через нос и рот, сильно повредив язык и нёбо и выбив два зуба, другая мушкетная пуля попала сзади в голову и отстрелила мизинец на левой руке»¹⁷⁴. Из состава прикомандированных на суда морских пехотинцев убитыми и ранеными было потеряно 8 человек. Описания же нанесённого противнику урона в живой силе вполне ожидаемо завышено до фантастического уровня: так, П.М. Апраксин писал о более чем 300 уничтоженных шведах, последние также не остались в стороне, записав на свой счёт 500 человек павших россиян.

Подавляющее большинство трудов в нашей стране указывают на такие корабельные потери противника: «...шкуют швецких 2 сожгли, 1 потопили, 2 взяли, на которых было 6 пушек». Первоисточником для них явилась «Гистории Свейской войны»¹⁷⁵, в которую в свою очередь вошли данные из «Журнала» П.М. Апраксина, направленные письмом на имя кабинет-секретаря Петра I А.В. Макарова от 30 ноября 1720 г.¹⁷⁶. Данные из «Журнала» в корне отличаются от его же П.М. Апраксина донесения царю в сентябре 1702 г., где он сообщает о бое и захвате отрядом полковника И.А. Тыртова одной неприятельской шкуты¹⁷⁷. Остаётся неизвестным, какие мотивы двигали П.М. Апраксиным при составлении собственного боевого формуляра, было ли это желание преумножить свои успехи либо простая забывчивость по прошествии восемнадцати лет от описываемых событий. Справедливости ради стоит отметить, что впервые на данные разночтения в шведских потерях обратил внимание С.И. Елагин. Однако, не располагая достаточными данными из шведских источников, с одной стороны, и имея такого исторического «тяжеловеса» как «Гистория» — с другой, он ограничился нейтральной формулировкой о результатах боя для шведов: «...лишившись в этом деле нескольких судов»¹⁷⁸.

Взятая фраза из «Журнала» П.М. Апраксина о направлении отряда полковника И.А. Тыртова: «для разорения Кексгольмского уезду»¹⁷⁹, — также послужила основанием для некоторых авторов перенести место произошедшего боя к Кексгольму. Благодаря привлечению шведских источников, удалось установить, что шведский отряд нёс дозорную службу в районе между мысами Морьин Нос и Ледна-удд, и именно у последнего имело место столкновение между противниками.

В российской историографии распространено мнение, что именно этот бой послужил причиной свёртывания операций и отвода шведской флотилии с Ладожского озера. Однако такую точку зрения вряд ли можно принять как верную, поскольку вывод судов из озера, начавшийся в первых числах сентября, в точности совпадает с таковым в 1701 г. и означает запланированное завершение кампании. Суда один за другим проходили через бар и швартовались у Нотебурга. Днём 12 сентября на борту флагманской бригаантины «Кастор» состоялся военный совет, а вечером того же дня суда флотилии снялись с якоря и взяли курс на Ниен. Утром на следующий день корабль «Тор» выскочил на камни, точное местоположение его крушения неизвестно, но наиболее вероятным кандидатом являются Ивановские пороги в среднем течении Невы. Снять с камней «Тор» не представлялось возможным, и было принято решение оставить его, предварительно связав корабельное имущество. С помощью команд подошедших судов в течение дня на берег удалось свезти все орудия, боезапас и наиболее ценные вещи¹⁸⁰. После почти недельного пребывания в Ниене 20 сентября флотилия отплыла в Выборг. Значительным отличием от кампании предыдущего года стало то, что в 1702 г. единственным местом для зимовки судов флотилии был избран Выборг.

Г. фон Нумерс мотивировал своё решение тем, что у Нотебурга отсутствует приемлемая гавань, а пребывание в Ниене может быть небезопасным из-за возможных рейдов русских отрядов с южного берега Невы¹⁸¹. После полудня 27 сентября флотилия, состоявшая из «Кастора», «Поллукса», «Одина», «Хабора», «Фриги», «Дисы», «Ёйи», «Астрильда», «Гедана» и «Аборена», ошвартовалась у Выборгского замка. 30 сентября был проведён военный совет с участием всех командиров судов. 10 октября команды разместились на зимних квартирах. Так завершилась кампания 1702 г.

Кампания 1703 г.

Одновременно с выводом флотилии из кампании 1702 г. произошло событие, напрямую отразившееся на её дальнейшем существовании: 26/27 сентября русскими войсками был взят в осаду и после штурма 11/12 октября вынужден был капитулировать Нотебург. Его падение фактически перекрыло водный доступ шведским судам из Балтийского моря в Ладожское озеро, и автоматически это означало, что Ладожская флотилия как подразделение перестало существовать. Тем не менее, формально это название продолжало использоваться ещё некоторое время в отношении шведских военных судов, находившихся в восточной части Финского залива. Более верным было бы назвать это подразделение Ниенской эскадрой, однако это название вошло в обиход лишь в кампаниях последующих лет¹⁸², либо Выборгской флотилией, название, которое также встречается в ряде документов. По сути, дальнейшее повествование выходит за рамки заявленной темы исследования, однако, по нашему мнению, события, разворачивавшиеся в кампании 1703 г., могут расцениваться как логическое завершение тех усилий, которые противники прилагали, чтобы, с одной стороны, удержать Ладогу, а с другой — чтобы овладеть этим водным театром.

В сложившихся обстоятельствах после потери Нотебурга перед флотилией, находившейся под командованием Г. фон Нумерса, были поставлены абсолютно иные, нежели ранее задачи. 14 апреля А. Линдйельм в своём письме в Комиссию по обороне выразил опасения, которые были очевидны для многих шведов, находившихся в Ингрии. А. Линдйельм писал, что русские наверняка не остановятся на захвате Нотебурга и двинутся далее, то есть попытаются взять Ниен и занять невисское устье. Это письмо в результате материализовалось в приказе Комиссии от 24 апреля Г. фон Нумерсу немедленно выйти в море для патрулирования побережья восточной части Финского залива, и Невской губы в частности, чиня при этом всевозможный урон неприятелю в случае его обнаружения. Одновременно с этим приказом Адмиралтейств-коллегия получила указание ускорить отправку из Карлсруны подкреплений для флотилии Г. фон Нумерса. Дело в том, что несколькими месяцами ранее в результате обширной переписки было принято решение усилить флотилию путём направления из Карлсруны четырёх фрегатов и четырёх бригантин¹⁸³.

Поступавшие от Г. фон Нумерса на протяжении кампаний прошлых лет предложения по обновлению корабельного состава флотилии в соответствии с требованиями, предъявляемыми к плавсредствам самим театром военных действий, получили большой резонанс в Адмиралтейств-коллегии. На заседаниях коллегии в сентябре 1702 г. несколько раз поднимался вопрос о наилучшем типе судов для акватории Ладожского озера. Адмирал Ф.Э. Таубе вызвал на одно из заседаний капитана М. Блума, имевшего опыт службы в Померании и знакомого с так называемыми «морскими ботами»¹⁸⁴. По его словам, это были плоскодонные суда длиной 70–80 футов, с балластом и в полной загрузке имевшие осадку всего лишь 3 фута, а при необходимости они могли вооружаться 10–12

небольшими орудиями. Данное предложение, однако, не нашло должной заинтересованности среди членов Коллегии. Позже поднимался на обсуждение вопрос по строительству предложенных Г. фон Нумерсом эспингов. Это предложение было тоже отвергнуто на основании контраргументов В. фон Росенфельта, что при осадке в 4–5 футов эти суда будут непригодны для постоянного движения на вёслах; тем самым они будут не лучшими судами для использования в штилевую погоду. Президент коллегии Х. Вахтмейстер выступил с предложением о постройке галер, и, несмотря на возражения Ф.Э. Таубе о слабом вооружении галер, его мнение взяло верх, и заключение коллегии было направлено Г. фон Нумерсу¹⁸⁵. Так совпало, что командующий флотилией независимо от Коллегии пришёл к такому же мнению, изложив своё видение касательно галер в письме в Карлскруну от 18 сентября 1702 г.¹⁸⁶. Опираясь на выработанные предложения, Адмиралтейств-коллегия запросила увеличения бюджета на кораблестроительные нужды на 1703 г. в размере 10 184 далеров. Данная сумма не была утверждена Казначейством. Однако Коллегия всё же изыскала средства на постройку двух полугалер предназначавшихся для пополнения флотилии. Это были парусно-гребные суда с 7–9 парами вёсел, длиной 40–45 футов и осадкой в 4 фута. Первое из них, «Стёварен», было спущено на воду уже в октябре 1702 г., а второе, «Мьёхунден», в апреле следующего года.

Находившиеся в Выборге суда флотилии под командованием Г. фон Нумерса начали кампанию во второй декаде апреля. После погрузки балласта, провианта, пива и воды 28 апреля суда снялись с якорей и на вёслах начали отходить от Выборга. Во всех шведских источниках сообщается, что численный состав флотилии, действовавшей в Финском заливе в мае 1703 г., насчитывает девять вымпелов, однако, как указано выше, в Выборге зимовали десять судов. Какое из судов было оставлено в Выборге, а также причины его оставления остаются невыясненными. Наиболее вероятным кандидатом нам видится бригантина «Диса», поскольку это имя единственное не встречающееся в описаниях событий. Через пять дней в шесть часов вечера в пятницу 4 мая флотилия подошла к невшкому устью, встала на якорь и на борту бригаантины «Ёйа», которую в кампании этого года Г. фон Нумерс вновь избрал своим флагманом, состоялся военный совет.

Описанию последующих событий в российской историографии посвящено огромное количество работ, статей, заметок. Общепринятая растиражированная версия событий в общих чертах представляет произошедший бой как первую российскую победу на море, и, более того, его дата официально вошла в календарь как дата основания Балтийского флота России. Несмотря на кажущуюся всестороннюю изученность предмета, ряду моментов в его описании не хватает аргументированности и явно прослеживается его одностороннее представление. Дабы исключить нагромождение фактов, в качестве источников информации по русской версии событий были отобраны три современные работы, по нашему мнению, наиболее адекватно освещающие события на невшком взморье, а именно исследования П.А. Кротова, П.Е. Сорокина и А.М. Шарымова¹⁸⁷, а также фундаментальный источник «Гистория Свейской войны». В немалой степени уточняющими и дополняющими, а отчасти и опровергающими детали устоявшейся картины произошедших событий, являются шведские архивные и опубликованные документы. В качестве основных источников со шведской стороны привлечены письма и донесения Г. фон Нумерса, шканечные журналы бригаантины «Ёйа» и корабля «Один», краткая автобиография и реляция штурмана «Астрильда» Эммануэля Вернера, а также рапорт констапеля Томаса Весслинга. Поскольку темой настоящего исследования заявлено описание действий шведской флотилии, в основу описания событий легли именно шведские документы.

1/2 мая после почти недельной осады русскими войсками под началом генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева пала крепость Ниеншанц, а 3/4 мая ничего не знавший об этом Г. фон Нумерс прибыл к невшскому устью. Стоит сказать, что составители «Гистории» указывают на обнаружение неприятельской флотилии вечером 2/3 мая¹⁸⁸ караульщиками под командованием М. Щепотева, располагавшимися на острове Витсасаари (Гутуевский)¹⁸⁹. Поскольку флотилия вечером указанного дня стояла на якоре в полумиле от западной оконечности Ретусаари (Котлин), её обнаружение на таком расстоянии видится более чем сомнительным. Из-за штилевой погоды и слабого ветра, поднявшегося после полудня, Г. фон Нумерсу понадобился целый день 3/4 мая, чтобы дойти от Ретусаари до невшского устья. После созванного в 8 часов вечера военного совета командир «Одина» получил приказ крейсировать между устьем и стоянкой флотилии. На следующее утро, к 4 часам утра, «Один» вновь присоединился к флотилии, которая через три часа снялась с якорей и лавировала при слабом остовом ветре у вершины Невской губы. К вечеру суда флотилии бросили якорь на глубине 3 сажений.

Широко известен факт обмена сигналам — «шведским лозунгом» — между флотилией и якобы отвечавшим ей Ниеном. Достоверно определить в какой из дней нахождения флотилии около устья имел место быть этот обмен сигналами не представляется возможным, так же как и его очередность. Согласно русским источникам, первыми заявили о своём прибытии шведы, которые «учинили в город лозан о своём приходе — ис пушек 2 выстрела»¹⁹⁰. Г. фон Нумерс напротив сообщал в своём рапорте о том, что противник три раза стрелял на «шведский лозунг», на который он отвечал¹⁹¹. Принимая во внимание, что Б.П. Шереметев получил приказ стрелять «ввечеру и поутру» и то, что сигнал подавался трижды, выдвинем предположение, что продолжалось это на протяжении всего дня 4/5 мая и утром следующего дня.

Утром 5/6 мая вице-адмирал вновь собрал на «Ёйе» совет, правда, на этот раз для всех штурманов флотилии. Ими был получен приказ провести промеры глубин в устье, а именно южного фарватера, известного как «Новый путь к Ниену», который, несмотря на сложные условия и будучи более извилистым и мелководным, использовался судами не менее часто, чем северный. П.Е. Сорокин, проанализировавший гидрографическую карту Невы 1701 г., выполненную К. Элдбергом (*Ил. 9*), так описывает данный фарватер: «Вход в узкий фарватер был обозначен со стороны залива двумя бакенами в виде плавающих бочек — северной и южной. Далее по краям его ограждали вехи. На берегу острова, немного южнее устья реки Черная, имелись створные знаки — высокая сосна и два знака, стоявшие на заднем плане. При входе в фарватер ориентировались на створ высокой сосны, росшей на берегу, с южным знаком, от пятой вехи на фарватере — с северным. У самого берега фарватер резко поворачивал на юго-восток и далее следовал в непосредственной близости берега вплоть до входа в Большую Неву. В южной части Васильевского острова, в нескольких сотнях метров от устья Большой Невы, на её берегу при впадении небольшой речки, располагалось поселение лоцманов»¹⁹². Поскольку оставленные ещё 28/29 апреля на берегу три роты русских солдат¹⁹³, уничтожили все вехи на фарватере, шведам предстояло самостоятельно восстановить проход. Фактически промером занимались «Один», «Поллукс», «Хабор» и «Гедан», а также шлюпки, имевшиеся при них. Суда на вёслах медленно поднимались по фарватеру; около полудня на берегу у лоцманского хутора были замечены около семи русских солдат, по которым «сделали один выстрел из баса и три мушкетных»¹⁹⁴. Русские немедленно бросились наземь и вскоре скрылись в прибрежном кустарнике. По возвращении судов, в два часа пополудни, вся флотилия снялась с якорей и крейсировала на

Ил. 9. К. Эдберг. Гидрографическая карта реки Невы. Фрагмент Невского устья. 1701 г. (Военный архив. Стокгольм)

протяжении часа, а затем вновь встала на якорь неподалеку от бакенов на входе в фарватер. В шесть часов вечера на одном из судов подняли сигнал, что к северу, возможно, наблюдаются семь русских лодок. Для проверки одной из бухт на острове Хирвисаари (Васильевский), в которой якобы скрылись лодки, были направлены «Гедан», «Астрильд», «Фрига» и шлюпка с «Поллукса», однако через два часа они вернулись, не обнаружив противника.

На следующее утро, в пять часов утра, вверх по фарватеру с приказом произвести рекогносцировку были направлены шнява «Астрильд» (командир обер-лейтенант Г. Вернфельт), эспинг «Гедан» (командир обер-лейтенант К. Вильгельмс) и дубель-шлюпка «Аборен» (командир унтер-лейтенант Х. Шмидт). На протяжении нескольких часов шведские суда поднимались по фарватеру, у южной оконечности Хирвисаари шнява и эспинг остановились, а дубель-шлюпка подошла к берегу с намерением произвести высадку. Как только десантная партия с «Аборена» оказалась на берегу, из прибрежных зарослей раздался мушкетный залп. Добиться попаданий русским, ожидавшим подхода шведов, не удалось, ни один из них даже не был ранен. Шведы, в свою очередь не предпринимая попыток организовать какое-либо подобие обороны, бросились обратно к шлюпке. Находившиеся неподалеку «Астрильд» и «Гедан» произвели бортовой залп из орудий по появившимся из кустарника русским солдатам, полагая, что они намереваются пойти на abordаж дубель-шлюпки. Все находившиеся на берегу шведы успешно вернулись на борт, за исключением одного, матроса Улофа Бома, который замешкался и в итоге попал в плен.

Численность солдат и матросов, участвовавших в данной стычке, неизвестна с обеих сторон, так же как точное место и причина, побудившая шведов произвести высадку. В российских документах указывается, что шведы высадились с намерением взять лоцмана на хуторе, однако Г. фон Нумерс в своём рапорте пишет, что несколько человек сошли на берег

для «приготовления обеда»¹⁹⁵. Как бы то ни было, но после данного столкновения шведские суда не стали задерживаться и поспешили отойти обратно к месту стоянки флотилии, прибыв обратно и отдав якорь в шесть часов вечера. Практически сразу же «Астрильд» и «Гедан» оставили якорную стоянку и вновь направились вверх по фарватеру.

Столь поспешное возвращение двух судов на ранее занимаемую позицию требует уточнения. Воспоминания очевидца событий штурмана «Астрильда» Э. Вернера на первый взгляд дают исчерпывающий ответ¹⁹⁶. Согласно Э. Вернеру, после возвращения судов к флотилии у командиров «Астрильда» и «Гедана» состоялся разговор с командующим, который проходил на повышенных тонах. Вице-адмирал был в ярости от того, что суда вернулись обратно, и якобы произнёс, что только он вправе решать, что делать и когда стрелять, поэтому «Астрильд» и «Гедан» должны были немедленно вновь направиться к Ниену. Г. Вернфельт и К. Вильгельмс в один голос ответили, что это невозможно. Пришедший в ярость Г. фон Нумерс повторил свой приказ и произнёс: «Я отправлюсь туда (вверх по реке. — *Д.С.*) только в случае, если никто не вернется назад!». На этот выпад обер-лейтенанты запросили письменный приказ, и после получения оного немедленно отбыли на свои суда и вступили под паруса. Сомнение вызывает тот факт, что Э. Вернер в своих воспоминаниях, записанных через 25 лет после описываемых событий, настолько точно цитирует слова, которыми обменивались офицеры флотилии. Более того возникает вопрос, как ему, простому штурману, стали известны детали разговора, который должен был происходить на флагманском корабле и наверняка с глазу на глаз? В связи с этим нельзя исключить долю литературного вымысла со стороны Э. Вернера в попытке придать более эмоциональную окраску своему рассказу. Однако, несмотря на высказанные сомнения, в остальном оснований не доверять Э. Вернеру нет, поскольку указываемые им подробности совпадают с таковыми, перечисленными в его же краткой автобиографии, написанной сразу по возвращении и русского плена¹⁹⁷. Данная автобиография носила формальный характер и писалась для Адмиралтейства; по назначению она схожа со «сказками», записывавшимися со слов русских офицеров. Рапорт Г. фон Нумерса не столь информативен и сообщает, что суда были направлены для «наблюдения за противником и предотвращения возможного подхода к нему подкреплений».

Ушедшие вверх по фарватеру суда через три часа достигли того же места, где произошла утренняя стычка, и встали на якорь. Около девяти часов вечера на флагманской бригадине «Ёйа» был получен сигнал от командира бригадины «Кастор» Ю.К. Вильгельмса¹⁹⁸ о том, что он наблюдает 9–10 русских лодок,двигающихся под берегом по направлению к двум ушедшим вверх по фарватеру шведским судам. Г. фон Нумерс немедленно отправил бригадину «Фрига» для поддержки шнявы и эспинга. Дубель-шлюпка «Аборен» также снялась с якоря и, двигаясь на максимально возможной скорости, должна была передать Г. Вернфельту и К. Вильгельмсу приказ немедленно возвращаться. «Аборен», подойдя на достаточное расстояние, передал приказ на «Астрильд» и «Гедан», однако ответ командиров этих судов был, что уже слишком поздно, и они приложат все силы, чтобы защитить себя в случае необходимости. «Аборен» вернулся к флотилии в половине одиннадцатого вечера. Остаётся неясным, почему командиры Г. Вернфельт и К. Вильгельмс посчитали возвращение невозможным. Указываемые в некоторых русских источниках наступившее безветрие либо противный ветер не подтверждаются шканечными журналами судов шведской флотилии. Согласно последним весь день 6/7 мая дул умеренный зюйд-остовый ветер, то есть попутный для выхода из устья Невы. Однако, возможно, сложность фарватера и наступившая темнота заставили командиров судов держаться от попыток вернуться обратно.

Исходя из того, что якорная стоянка «Астрильда» и «Гедана» была в прямой видимости с флотилии, эти суда находились в самом устье Большой Невы, а не поднялись вверх по течению, как, к примеру, указывал в своём историческом сочинении-воспоминании офицер петровского флота Дж. Ден¹⁹⁹. Тем самым подтверждаются данные «Гистории» и выводы, сделанные П.Е. Сорокиным²⁰⁰, о том месте, где находились шведские суда, а именно: между южной оконечностью острова Хирвисаари и островом Ламасаари (Подзорный), располагавшемся на слиянии рек Фонтанки и Екатерингофки, чуть ниже по течению Большой Невы.

В это время со стороны русских шла активная подготовка к противодействию шведским судам, свободно перемещавшимся по фарватеру и Неве. Подробности этой подготовки и дальнейшее развитие событий в российской историографии общеизвестны и в целом повторяют повествование «Гистории». Согласно ей, «капитан от бомбардиров (Пётр I. – Д.С.) и порутчик Меншиков (понеже иных, на море знающих, никого не было) в 30 лодках от обоих полков гвардии, которые того ж вечера на устье прибыли и скрылись за островом, что лежит противу Катерингофа к морю. И перед светом половина лодок поплыли тихою греблюю возле Васильевского острова, под стеною одного лесу, и заехали оных (шведов. – Д.С.) от моря, а другая половина с верху на них пустилась»²⁰¹. П.А. Кротов в своей во многом революционной работе выявил документы, по которым лодок было «толко с небольшим 20», кроме гвардейских полков в бою принимали участие также солдаты Архангелогородского, Вятского и Пермского полков (переименованы с 1708 г.), а также привёл веские аргументы, поставившие под сомнение непосредственное участие в бою царя и А.Д. Меншикова²⁰². Согласно тому же исследованию, прямое командование русскими лодками с abordажными партиями осуществлял подполковник Н.А. Неитерт. Численный состав русских отрядов доподлинно неизвестен, однако отталкиваясь от количества лодок, можно сделать предположение о 500 солдатах и офицерах с небольшим допуском в ту или иную сторону.

На якорной стоянке шведские суда стояли таким образом, что «Гедан» располагался чуть выше по течению. По неизвестным причинам его командир К. Вильгельмс находился на борту «Астрильда», и, когда после одиннадцати часов вечера с «Гедана» обнаружили приближающиеся русские лодки, с него криком подали сигнал. К. Вильгельмс немедленно приказал гребцам шлюпки доставить его обратно на своё судно, чтобы лично возглавить оборону. Точное время начала боя указано в журнале «Одина» — русские пошли в атаку в четверть двенадцатого. Атакованный первым и находившийся выше по течению «Гедан» подвергся атаке той части русского отряда, которая зашла на шведов из под берега острова Хирвисаари.

Отсутствие документальных источников от участников событий из числа экипажа «Гедана» не позволяет достоверно восстановить картину боя, разворачивавшегося вокруг эспинга. Э. Вернер сообщал, что из-за темноты он не мог видеть происходившее на «Гедане». Очевидно, что К. Вильгельмс сумел подняться на борт вверенного ему судна и организовал оборону. Огонь из орудий по приближавшимся русским лодкам шведы вели до тех пор, пока позволяла дистанция. Когда противник пошёл на abordаж, для командира эспинга стала очевидна неизбежная потеря судна, в связи с чем он отдал приказ его взорвать. По всей вероятности, данная попытка уничтожить судно взрывом не увенчалась успехом, поскольку в рапорте Г. фон Нумерса фигурирует только «поднятая палуба»²⁰³, что наверняка явилось результатом внутреннего взрыва. В abordажной схватке на борту эспинга оберлейтенант К. Вильгельмс погиб. Выжившие члены экипажа «Гедана», находясь в русском плену, сообщили своим соотечественникам из экипажа «Астрильда», что К. Вильгельмс сражался отчаянно и перед смертью ещё раз приказал затопить судно выстрелом в трюм, однако осуществить это не удалось и «Гедан», захваченный русскими, остался на плаву.

Практически одновременно с «Геданом» началась атака на «Астрильда» вторым русским отрядом. Со шнявы также был открыт орудийный и мушкетный огонь, русские лодки, не имевшие орудий, стремились как можно быстрее сократить дистанцию для абордажа противника, в чём в итоге преуспели. Фактически в самом абордаже на два шведских судна участвовало лишь восемь лодок²⁰⁴. В разгаре боя командир окружённого русскими лодками «Астрильда» обер-лейтенант Г. Вернфельт, по воспоминаниям Э. Вернера, вскочил на фальшборт и, держась одной рукой за фок-ванту, закричал: «Пощады!» — но мгновением позже был сражен мушкетным выстрелом, который отбросил его на брашпиль. Последними словами командира, обращёнными к штурману, были: «Ради Иисуса, взорвите её!». Во исполнение этого приказа Э. Вернером вместе с ещё одним унтер-офицером, двумя матросами и денщиком командира были заложены пороховые заряды в кормовой части шнявы. Последовавшим взрывом корпус «Астрильда» раскололо на две части от гакаборта вплоть до грот-мачты. Шнява села на грунт. Взрыв, произошедший на «Астрильде», находит своё подтверждение и в русских источниках, однако, как писал А.Д. Меншиков, причиной его стало то, что «от ручных гранат порох запален и люди неприятельские все побиты»²⁰⁵. Взрыв положил конец сопротивлению шведов, и скоротечный бой на этом закончился. Время окончания боя также зафиксировано в журнале корабля «Один» — без четверти двенадцать. Оставшиеся в живых шведы были выловлены из воды и свезены на берег. Тело командира «Астрильда» обер-лейтенанта Г. Вернфельта обнаружено не было.

При анализе сохранившихся документальных источников со шведской стороны очевидным становится противоречие с закрепившейся в российской историографии версией о захвате *двух* (курсив наш. — Д.С.) судов, упоминание о которых не позволяет говорить о каких-либо полученных ими серьёзных повреждениях. Более того, это впечатление, помимо писем и реляций, подкрепляется росписями захваченного на судах имущества²⁰⁶ и хорошо известными гравюрами захваченных «Астрильда» и «Гедана», изготовленных по рисункам П. Пикарта, находившегося в тот момент в русском лагере во главе походной типографии и выполнившего зарисовки с натуры. Если о починке «Астрильда» можно судить по косвенным указаниям в русских источниках, то упоминания о возможных судоподъёмных работах шнявы отсутствуют полностью. Напротив, в шведских источниках имеется описание «Гедана» на следующее утро после боя с борта бригаантины «Ёйя», гласившее: «Наблюдали около 100 русских лодок, окруживших накренившийся "Гедан", стоящий напротив песчаного бара»²⁰⁷. Состояние же «Астрильда» после боя, как будет видно далее, характеризуется шведами не иначе как «останки».

Ещё одно несоответствие русской и шведской версий произошедшего боя заключается в том, что указания на попытки шведских судов отойти под парусами и на вёслах с места боя обратно по фарватеру также не находят подтверждения со шведской стороны.

Потери сторон заслуживают отдельного упоминания. Несмотря на подробную роспись в «Истории» шведских потерь, проверить эти данные не представляется возможным, поскольку судовые роли «Гедана» и «Астрильда» на кампанию 1703 г. выявить не удалось, таким образом, общая численность экипажей шведских судов и прикомандированных на них солдат доподлинно неизвестна. Цифра 77, приводимая в «Истории», при сравнении с численностью команд этих судов в кампаниях прошлых лет не даёт оснований сомневаться в её правдоподобии. Там же говорится о 59 павших шведах²⁰⁸, что также вполне вероятно с допустимым отклонением в большую или меньшую сторону. В отношении потерь россиян, лишь недавно П.А. Кротовым было выявлен документ, согласно которому у русских было лишь «2 убито да 3 человека ранено»²⁰⁹. Не отрицая ожесточённость схватки и не

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

умалая храбрости шведов и русских, непропорциональность потерь противников наводит на мысль, что наибольшие потери в личном составе шведских судов могли быть вызваны взрывами зарядов при попытках уничтожить собственные суда.

Данные о численности попавших в плен шведов, мигрировавшие во все последующие российские исследования из «Гистории», указывают на то, что «в полон взято: штурман 1, матрозов и салдат 17, кают-юнг 1»²¹⁰. Однако если в численном отношении эти данные практически совпадают с информацией в шведских источниках, то их разнесение по званиям требует уточнения. Списочный состав шведских военнопленных с указанием чинов и корабельной принадлежности сведён в таблицу (Табл. 4)²¹¹.

Таблица 4

Судно	Звание	Имя
«Астрильд»	Констапель	Эрик Эренклу†*
	Штурман	Йоран Боргман
		Эммануэль Вернер
	Боцман	Петер Мальм†
	Матрос	Андерс Страндман
		Улоф Матарп
		Монс Мобак
		Отто Фриск
		Матс Линдмарк
		Ханс Аспегрен
		Матс Фриск
	Кают-юнга	Юхан Снар
«Гедан»	Штурман	Карл Доблетт†
		Карл фон Вердт
	Матрос	Якоб Хупенфельт
		Эрик Рэп
		Хиндрик Эрн
	Солдаты	Йоран Фриск
		Клас Стадиг
		Эрик Йеллер
«Аборен»	Кают-юнга	Монс Эрн
	Матрос	Улоф Бом
* † - скончался от ран.		

Таким образом, в русском плену без учёта скончавшихся от ран и матроса с эспинга «Аборен», захваченного днём ранее, оказались 3 унтер-офицера, 13 нижних чинов и двое юнг.

Утром следующего дня 7/8 мая, в четыре часа утра, на «Ёйе» был поднят сигнал к сбору всех командиров судов флотилии на борту флагманской бригантины. Результатом проведённого военного совета стало решение направить на берег парламентаря под белым

флагом. В качестве парламентёра был выбран констапель Томас Весслинг, который должен был передать письмо от Г. фон Нумерса русскому коменданту Ниена. В этом письме вице-адмирал просил не чинить вред шведским посланникам, а также, взывая к традициям всех христианских наций, просил позволения узнать о судьбе своих соотечественников попавших в плен, их нуждах и т. д.²¹².

До наших дней сохранились две версии реляции Т. Весслинга о посещении русского лагеря. Одна из них, переложенная Г. фон Нумерсом в форме собственного рапорта в Адмиралтейств-коллегию, естественно, не предполагавшего чересчур подробного описания, а также это собственноручно составленная Т. Весслингом подробная реляция. Копия последнего документа была выявлена финским историком Юлли Рамсё в коллекции Шведского Дворянского собрания в начале прошлого столетия и опубликована в 1914 г.²¹³. Однако данная публикация осталась практически неизвестной в России. Изобилующая подробностями реляция Т. Весслинга, по нашему мнению, заслуживает того, чтобы быть приведённой полностью в настоящем исследовании.

«В год 1703, мая 8 дня, я был направлен благородным господином вице-адмиралом Гидеоном фон Нумерсом на небольшой лодке вместе с двумя матросами в лагерь противника, чтобы узнать о судьбе офицеров бригаantin "Астрильд" и "Гедан", о том, кто остался в живых, а кто попал в плен. В 4 часа пополудни я добрался до останков "Астрильда", где был встречен двумя ладьями. Я ударил в барабан и поручил одному из матросов встать впереди, держа белый флаг вместо (обычного. – Д.С.) флага. К нам подошла одна из ладей, и я перешёл в неё. Там я пожал ему (офицеру. – Д.С.) руку и был хорошо принят. Он заговорил со мной по-русски, но я не мог ничего понять. Затем подошла вторая ладья, и её командир заговорил со мной по-немецки. Я спросил о двух наших матросах в маленькой лодке, и он уверил, что им не причинят вреда. Затем командир ладьи снял с меня шляпу, надел повязку на глаза, связал руки за спиной и усадил в ладью. Так я оставался до тех пор, пока мы не прибыли в лагерь выше Ниенской новой лесопильни. Когда я ступил на землю, двое солдат отвели меня к палатке командующего Шереметева. Сначала с меня сняли повязку, а затем развязали руки. После он спросил меня, с какой целью я прибыл и что мне нужно. Я ответил, что прибыл от флота и передал ему письмо, которое мне дал господин вице-адмирал Гидеон фон Нумерс. После прочтения письма, он спросил у меня, кто связал мне руки. Я ответил, что не знаю. Командир (ладьи. – Д.С.) заговорил с ним по-русски, и сразу в палатку зашли два человека сняли с него красный камзол и заставили лечь на землю. Один разместился в ногах, а другой у головы и начали сечь кнутом с такой силой, что у человека со спины отделялись куски плоти. По окончании командующий спросил, повесить ли этого человека. Я запросил пощады для этого человека. Он ответил мне по-голландски, что достаточно будет одного моего слова, тогда я попросил милости для него и человека отпустили. После этого командующий спросил, насколько силен наш флот. Я ответил, что Его Превосходительство наверняка знает об этом лучше меня. Также спросил он меня, какие у нас корабли. Я ответил, что на каждом по 24 орудия и 80 человек, не считая солдат.

Затем меня отвели в палатку к генералу Шаумбургу²¹⁴. Там я встретился с Монсом Эрном, кают-юнгой и денщиком лейтенанта Килиана Вильгельмса. С ним я поговорил немного об офицерах, о том кто из них выжил, а кто погиб. Ответ был такой, что он ничего об этом не знает. Сразу после этого его увели из палатки.

Вечером генерал послал своих людей подать вина, а когда его принесли, он поднял бокал за Его Королевское Величество, короля Швеции. Мы выпили, а я провозгласил тост за Царя Московии, и мы также выпили. Генерал после сказал: "Это очень скверное вино, упросите господина адмирала прислать мне немного вина". Затем он спросил меня

о голландских кораблях, прибытие которых ожидалось вскоре и которые он хотел, чтобы господин адмирал пропустил, если на них не будет контрабанды. Я ответил, что господин адмирал, несомненно, знает своё дело лучше меня.

Затем мы сели за стол и за едой генерал произнёс тост за морских офицеров. Затем мы выпили за все тосты присутствовавших офицеров армии царя. За столом было очень много разговоров, суть которых я не могу припомнить. После еды генерал приказал подать трубки и табак, и я выкурил с ним трубку. Он говорил о том и о сём, я как мог ему отвечал. После он отправился почивать. В палатке остался майор с несколькими офицерами, и я вынужден был остаться с ними и продолжить выпивать. Ближе к рассвету они разошлись, а меня проводили в другую палатку, где я должен был спать, там для меня уже было приготовлено место, устланное подушками из камчатной ткани.

Утром я отправился к генералу в палатку и попросил его любезного позволения мне вернуться обратно к флоту. Он ответил мне, что об этом ему необходимо переговорить с командующим, после чего вышел и отправился к нему. Я вышел вместе с офицером и от него узнал, что предстоят похороны покойного господина лейтенанта Килиана Вильгельмса.

Его тело было уложено в великолепный дубовый гроб обитый тканью и погребено на погосте при шведской церкви. Церемонию провёл священник из крепости.

Затем к полудню я вернулся в лагерь и отправился к генералу, но получил ответ, что он почивает. Когда он принял меня, мы сели за стол и обедали. Я спросил его, не проявит ли он милость, разрешив мне поговорить с нашими пленными, что мне и было обещано после обеда.

Прибыл князь Александр Меншиков с верховым от царя; меня спросили, не желаю ли я говорить с комендантом Ниена. Я ответил, что почту за честь переговорить с ним. Он (Меншиков. – Д.С.) сказал: "Вот мой конь, садись позади меня". Я ответил, что пойду пешком, тогда он снова повторил, чтобы я сел на его коня. Когда я сделал это, мы с другими офицерами отправились к нашим людям.

Я разговаривал с комендантом Аполловым и майором Моратом²¹⁵, я поприветствовал его от себя лично и от имени вице-адмирала. Он поинтересовался, прибыл ли я от флота, на что я ответил утвердительно. Он также сказал, что получил письмо господина вице-адмирала от 17 апреля, но добавил, что генерал Шереметев прочёл его раньше него. Он попросил, чтобы я передал господину адмиралу, что Ниен пал мая 2 дня, после того как был штурмован дважды. Майор сказал мне, что царь взял себе шпагу погибшего лейтенанта Килиана Вильгельмса и носит её на своём боку, как память.

Более я не говорил с ним и верхом вернулся в лагерь. Когда я прибыл туда, меня отвели к князю Александру. После я побывал в другой палатке, где встретил господина капитана Паткуля. Мы разговаривали с ним о Ниене. Он сказал, что комендант Аполлов мог продержаться дольше, но у него было всего 8 мортир. Пуль имелось в достатке, но не имелось ружей. Он также рассказал о четырёх золоченых яхтах и шестивёсельном, также золочёном боте. А когда он покидал Ладогу, то видел несколько фрегатов выше Нотебурга. Он также рассказал мне, что противник намеревается идти на Нарву и царь намерен взять у Его Королевского Величества, короля Швеции, только то, что принадлежит его стране. Более с князем я не разговаривал. Вечером мы ужинали и разговаривали о мелочах.

10 мая я отправился в палатку генерала, чтобы поинтересоваться и напомнить об обещанной мне милости. Он ответил, что сделает всё, что в его силах и отправится к губернатору Шлиссельбурга²¹⁶, который находился в Ниеншанце, чтобы напомнить обо мне. Когда генерал вернулся, мне дали его лошадь, и я отправился с ним к госпиталю, где находились наши пленные. Мы проехали немного вдоль берега, уперлись в болото и вынуждены

были повернуть обратно к лагерю. По дороге я видел пять барж, на которые грузили орудия и амуницию, а именно гаубицы и мортиры, ядра к которым лежали на берегу. Там были 24-фунтовые орудия, 8 гаубиц, калибр которых я не смог разобрать и 32 мортиры. Генерал спросил: "Не правда ли великолепная артиллерия?". Я ответил, что раньше не видел лучше. После мы вернулись в лагерь.

Была проведена служба на немецком, а после неё мы отправились обедать. Затем генерал вновь отправился верхом, и я поехал вместе с ним. Мы прибыли к нашим пленным. Я разговаривал с констапелем Эриком Эренклу и спросил его о судьбе офицеров; в ответ он сказал, что ничего не знает об этом. Я дал ему один двойной датский каролин, шведский дукат и одинарный шведский каролин²¹⁷, которые господин капитан Вильгельмс передал для своего сына. Генерал обменял их, дав 80 копеек за дукат, 40 копеек за датский каролин и 20 копеек за одинарный шведский, так, чтобы они разделили их между собой. Наши пленные также просили господина адмирала передать им одежду или деньги, чтобы её купить, поскольку у них осталось только по одной рубашке. Я ответил, что их просьбы будут удовлетворены, и они не будут забыты. Я оставил их, и вскоре мы уже ехали обратно в лагерь. Там с генералом я отправился к фельдмаршалу Шереметеву, где передо мной предстали трое наших пленных, а именно Отто Фриск, Эрик Рэп и ещё один аландец. Меня спросили, знаю ли я их, я ответил утвердительно и также спросил у них, знают ли они о выживших офицерах. Они ответили, что это им неизвестно и больше мне было не о чём с ними разговаривать.

Там же находился и царь, я обратился к нему, спросив, не принадлежала ли его шпага ранее господину лейтенанту Килиану Вильгельмсу. Он ответил, что это действительно его шпага, и он будет носить её как память о таком храбром воине. Царь спросил меня, почему они сражались столь отчаянно и не бежали. Я ответил, что мы следуем статьям устава, по которым мы должны либо сжечь, либо затопить (судно. – Д.С.). Тогда царь ответил: "Душу можно погубить и без принесения тела в жертву". После этого он отвернулся и направился к другим офицерам. Затем меня отвели в палатку к генералу Шаумбургу, где вечером мы ужинали. Он сказал, что было бы очень любезно, если бы господин адмирал отправил ему немного лимонов и апельсинов, а он направил бы то, в чём нуждается господин адмирал. Вскоре он отправился почивать. Утром 11 мая я пришёл в палатку к генералу Шаумбургу. Я попросил его о любезности отпустить меня обратно к флоту. Генерал отправил офицера узнать, изволил ли уже проснуться губернатор Александр Меншиков. Когда он вернулся, сообщил, что он уже поднялся. Генерал велел мне направляться к нему, и я оставил его, поблагодарив за всё его великодушие. Я пришёл к Александру Меншикову, который сказал мне, чтобы я передал приветствие господину адмиралу, и также попросил о лимонах и апельсинах, и вручил мне письмо.

Мы выпили с ним по бокалу бренди и по бокалу вина. Затем я оставил его. Меня посадили в ладью, которая направилась к устью, её командир вновь надел мне повязку на глаза и не снимал её до того момента, как мы добрались до останков "Астрильда". Я перешёл в лодку, поблагодарив командира за доброту, и отчалил от них. Когда я вышел на открытую воду, то в тумане не смог обнаружить флота на том месте, где он раньше стоял. Я продолжал грести до тех пор, пока не добрался до Ретусаари, там я увидел галеру и ударил в барабан. В сопровождении галеры я поднялся на борт флагманского корабля.

С борта бригантины "Кастор", лежащей на якоре у невского устья, 13 мая в год 1703.

Томас Весслинг»

По прибытии на флагманскую бригаантину Т. Весслинг передал вице-адмиралу письмо А.Д. Меншикова. В этом послании новый комендант Ниена говорил о возможном обмене пленными, в случае если возникнет подобная необходимость, а также о пропуске в Ниен нейтральных торговых судов при отсутствии на них контрабандных товаров²¹⁸.

Значимость боя 7/8 мая 1703 г. для россиян общеизвестна. 10 мая в походной церкви около Ниена, который уже был переименован в Шлотбург, был отслужен благодарственный молебен с троекратным залпом из пушек и ружей за «никогда прежде бывшую» морскую победу. Во время торжественной церемонии Пётр I и А.Д. Меншиков стали кавалерами ордена Св. Андрея Первозванного, а возложил на них знаки этого ордена адмирал Ф.А. Головин, первый кавалер ордена. Событие на невском взморье было отмечено чеканкой памятной медали с изображением на реверсе трофейных шведских судов и надписью «Небываемое бывает. 1703». Участники боя были награждены этими медалями — офицеры золотыми, а нижние чины получили медали, отчеканенные из серебра.

Боевое столкновение со шведской стороны напротив расценивалось не более чем эпизод, который не получил дальнейшего резонанса. Потеря двух малозначимых в боевом отношении судов не повлекла за собой официального расследования со стороны Адмиралтейств-коллегии, поскольку, наверняка, их потеря для руководства флота была обусловлена объективными причинами — хитростью противника, использовавшего условленный сигнал, сложностью фарватера, не предполагавшего возможность быстрого отхода, численным преимуществом противника и т. д.

Ожидаемая Г. фон Нумерсом эскадра под командованием шаутбенахта Карла Руута в составе четырёх фрегатов и четырёх бригаantin вышла из Карлсруны 8 мая. Через восемь дней она достигла Ревеля, а 23 мая встала на якорь на рейде Нарвы. В тот же вечер К. Руут направил к Х.Р. Хорну лейтенанта с намерением сообщить о своём прибытии. Губернатор распорядился, чтобы эскадра без промедления двигалась далее на соединение с флотилией Г. фон Нумерса²¹⁹. Утром следующего дня с восточным ветром К. Руут вышел в море и через два дня за час до полудня эскадра достигла места якорной стоянки флотилии у южной оконечности Ретусаари²²⁰. К. Руут держал свой флаг на фрегате «Дельфин»; Г. фон Нумерс выбрал своим флагманом «Профетен Юнас», оставив бригаантину «Ёйа» 27 мая.

Получив более чем значительное подкрепление, Г. фон Нумерс тем не менее уже на следующий день после прибытия К. Руута направил прошение в Адмиралтейств-коллегию и Комиссию по обороне, запросив дополнительное усиление эскадры двумя «способными» линейными кораблями с тяжёлой артиллерией и двумя бомбардирскими кечами. Своё прошение он обосновывал тем фактом, что по его информации русскими были заложены восемь крупных хорошо вооружённых, очень широких и мелкосидящих фрегатов, два из которых, вооружённые 40 орудиями, уже якобы были на подходе к Ниену. Помимо этого, вице-адмирал писал о более чем 800 малых судах, сосредоточенных в устье Невы²²¹. Как и ранее информация, которой располагал шведский командующий, была достоверна лишь отчасти. Строительство двух уже упомянутых фрегатов на Сясьской верфи шло медленными темпами, за закладку «фрегатов», вероятно, было принято начавшееся 24 марта строительство на Олонецкой верфи фрегата «Штандарт», галиотов, шмаков и буеров²²². Фрегат «Штандарт», спущенный на воду 22 августа, вышел в Ладожское озеро и взял курс на Санкт-Петербург только 8 сентября. Источники, которыми пользовался шведский командующий, нельзя назвать достоверными, поскольку уже 2 июля он докладывал в Адмиралтейств-коллегию о прибывшем к нему крестьянине и сообщившем о «5 кораблях размером с "Профетен Юнас", 2 прамах и 400 больших ладьях» в Ниене²²³.

Ил. 10. Неизвестный художник. Портрет К. Руута. Начало XVIII в. (Государственный архив. Стокгольм)

В связи с нехваткой средств, а также учитывая обязательное требование по малой осадке, прошение командующего эскадрой не могло быть удовлетворено в полной мере. Адмиралтейство смогло выделить и снарядить лишь фрегат «Штральсунд». Построенный на верфях одноименного города с учётом малых глубин прибрежных вод Шведской Померании и имевший относительно небольшую осадку, он тем не менее был вооружён 24-фунтовыми орудиями. «Штральсунд» 1 августа покинул Карлскруну и взял курс на Невскую губу. Однако вскоре после выхода дал о себе знать пятнадцатилетний срок службы фрегата, и, как докладывал его командир капитан Михаэль Блум, на переходе в Ревель корпус его давал сильную течь при свежем марсельном ветре. Добравшись до Ревеля 12 августа, «Штральсунд» вынужден был там задержаться для производства необходимого ремонта. В итоге к устью Невы фрегат прибыл лишь к концу августа²²⁴. 15 сентября в своём письме в Адмиралтейств-коллегию Г. фон Нумерс также отметил, что фрегат «слишком старый и ветхий»²²⁵, что в свою очередь заставило Коллегию в начале октября распорядиться отозвать «Штральсунд» обратно в Карлскруну.

Помимо собственно боевых судов, направленных на усиление флотилии, к эскадре К. Руута придавались также торговые суда, на которые возлагались задачи по провизионному обеспечению эскадры. Однако выход данных судов не удалось приурочить к отплытию эскадры. Наливное судно «Херцог фон Курлянд» с грузом воды и пива отправилось вслед за эскадрой 14 мая, противные ветры во время плавания сильно замедлили его продвижение. На Ревельском рейде он встал на якорь лишь 29 мая, а прибыл в распоряжение эскадры 1 июня²²⁶. Провиантский корабль «Персианске Чёпман» покинул Карлскруну 5

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

июня, также задержанный противными ветрами в Ревель, он прибыл только 29 июня; дальнейший путь до Невской губы занял ещё две недели²²⁷. До прибытия указанных судов, суда эскадры К. Руута вынуждены были отчасти пополнять запасы провизии из тех объёмов, которые первоначально предназначались для флотилии и доставлялись провиантскими ладьями из Выборга. Ещё одним судном, прибывшим к эскадре в первой декаде июля с грузом провизии на борту и остававшимся в её распоряжении до 18 июля, была «Виндава»²²⁸.

Общий перечень судов, прибывших из Карлсруны в восточную часть Финского залива в кампанию 1703 г., с росписью там, где это возможно, состава офицерского корпуса приведён в таблице (Табл. 5)²²⁹.

Таблица 5

Судно	Командир	Офицерский состав
«Дельфин»	Флаг шаутбенахта Карла Руута Капитан Херман Виблинг	Обер-лейтенант Закария Оберг Капитан ландмилиции Б. фон Шварцхоф
«Постильйон»	Капитан Юхан Хогт	Обер-лейтенант Адам Алефельт Фендрик ландмилиции Ю. Эггерс
«Снаресвен»	Капитан Карл Маннерфельт	Обер-лейтенант Вильгельм Юлленшеп Лейтенант ландмилиции Л. Фалькенберг
«Профетен Юнас»	Капитан Адам Густаф фон Клик	Лейтенант от артиллерии Густав Хенрик фон Викин Обер-лейтенант Нильс Юерс Унтер-лейтенант Георг фон Ментцер Фендрик ландмилиции О. Валленберг
«Штральсунд»	Капитан Михаэль Блум	Обер-лейтенант Якуб Закриссон Леверентц Унтер-лейтенант Готфрид Ланг
«Скорпион»	Обер-лейтенант Якуб Хоген (с 28.05 перевод на бригантину «Диса») Обер-лейтенант Андерс Сунд (с 28.05)	
«Вэдурен»	Обер-лейтенант Нильс Эренстрём	Унтер-лейтенант Антон Юхан Врангель
«Крефтан»	Обер-лейтенант Эрик Гротер (до 26.05) Обер-лейтенант Ханс Хусман (с 28.05)	Унтер-лейтенант Карл фон Шотинг (до 28.05)
«Хёкен»	Капитан Якуб Крекель	
«Юнгфрун»		
«Персианске Чёпман»		
«Херцог фон Курлянд»	Капитан Йёран Вильхельм Лейонстен	
«Виндау»		

Новость о переходе Ниена в руки русского царя вскоре разошлась по городам Европы. Европейские негоцианты и купцы увидели в этом прекрасную возможность для налаживания торговых связей с Россией уже не через Архангельск, а через новый порт на Балтийском море. В связи с этим немалое число торговых судов, в основном голландских, направились в Финский залив. Согласно докладу Г. фон Нумерса, во второй половине августа двум голландским судам удалось вплотную подойти к невшскому устью, которые попытались связаться с русскими, однако эти попытки были пресечены силами шведской эскадры. Свои действия шведский командующий мотивировал тем, что подозревал наличие контрабандных товаров на этих судах, и отчасти опасением, что после пропуска голландцев в Ниен их суда могут быть захвачены русскими и обращены против него. Это находит подтверждение в рассказе голландского шкипера, изложенном в письме от 12 августа А.Д. Меншикова царю: «Нумерс, вице-адмирал, не пускает их за таким страхом: боится того, что на тех караблях прорубят окна, поставят пушки и возмут в полон»²³⁰. Задерживая суда под предлогом наличия на них контрабанды, Г. фон Нумерс формально не выходил за рамки выполнения просьбы А.Д. Меншикова о пропуске торговых судов нейтральных стран в Ниен при условии отсутствия на них товаров, расцениваемых как запрещённые²³¹. 15 августа вице-адмирал докладывал в Адмиралтейств-коллегию о сложившейся ситуации, запрашивая дальнейшие инструкции в отношении нейтральных судов. Он также писал о задержанных генерал-губернатором Эстляндии Акселем Юлиусом Делагарди в Ревеле 13 голландских судах, подозреваемых в перевозке контрабанды. Адмиралтейство под предлогом отсутствия компетенции в коммерческих вопросах, коими, по их мнению, являлись нейтральные торговые суда, перенаправило задачу по выработке инструкций в Комиссию по обороне. Однако Комиссия не смогла подготовить вразумительный ответ до того, как эскадра ушла из Финского залива.

Количества судов, находящихся в распоряжении Г. фон Нумерса, было достаточно, чтобы перехватывать нейтральные суда, следовавшие непосредственно к устью Невы, но побережья Ингерманландии и Карелии, которые находились в руках русских, контролировать не представлялось возможным. Части судов всё-таки удавалось обходить заслон шведской эскадры. 12 августа А.Д. Меншиков сообщал о сумевших миновать шведскую эскадру шести торговых судах, пришедших к устью реки Сестры в надежде приобрести лес на лесной бирже²³². Из тех 13 голландских судов, задержанных в Ревеле, в ночь с 25 на 26 августа 9 судов тайно снялись с якорей и взяли курс во внутреннюю часть Финского залива. Командующий шведскими войсками в Лифляндии и Эстляндии генерал-майор В.А. Шлиппенбах писал, что подавляющее число изъятых ружей у захваченных в боях русских пленных изготовлено в Голландии и отчасти в Саксонии. В Стокгольме, считая, что контрабанда принимает угрожающие масштабы, направили через своего посланника в Гаагу Юхана Палмквиста ноту о недопустимости таких действий со стороны Голландии и ей оказании помощи царю²³³. Подтверждения фактам торговли огнестрельным оружием через новый российский порт на Балтике не выявлено. Первый торговый голландский корабль достоверно зашёл в порт Санкт-Петербурга в ноябре 1703 года, то есть уже после ухода эскадры Г. фон Нумерса. Его шкипер Я. Хиллебрант привёз груз вина и соли, получив, кроме платы за свой товар в виде груза леса, смол и поташа, также награду в 500 золотых как первооткрывателю Петербурга²³⁴.

Поскольку русские гребные флотилии оставались в устье Невы, а суда шведской эскадры не осмеливались заходить за невшский бар, как таковых столкновений между противниками летом и осенью не было, за исключением нескольких эпизодов с перестрелками отдельных судов эскадры с ходившими вдоль побережья русскими лодками. К примеру, 15 августа в шканечном журнале бригантины «Крефтан» имеется следующая запись: «...выполнив поворот оверштаг, мы пошли вдоль финской стороны и увидели русских, которые

сплавляли лес, одна ладья была с многочисленными людьми, вооружёнными ружьями, по ней мы сделали множество одиночных орудийных выстрелов и выстрелов с двойными зарядами»²³⁵. Местом этой перестрелки наверняка можно считать устье реки Сестры.

Находившаяся в плавании в Балтийском море бригантина «Хёкен» после захода в Карлскруну и пополнения запасов провианта получила приказ направиться в Финский залив. Покинув базу флота 5 сентября, бригантина прибыла к месту стоянки Ниенской эскадры через десять дней²³⁶. Ещё через два дня, 17 сентября, на её борт взойшёл шатубенахт К. Руут, и «Хёкен» в сопровождении корабля «Хабор» взяла курс обратно на Карлскруну²³⁷. Выяснить причину этого раннего отзыва шатубенахта не представляется возможным. После отбытия К. Руута Г. фон Нумерс вновь сменил свой флагманский корабль, в этот раз избрав фрегат «Дельфин», ранее находившийся под флагом шатубенахта. Помимо распоряжения доставить К. Руута бригантина «Хёкен» также привезла приказ Карла XII, согласно которому местом зимней стоянки флотилии должна была стать Карлскруна²³⁸. Дело в том, что ещё весной 1703 г. вице-адмирал озабочен был вопросом поиска новой гавани для зимней стоянки флотилии. Осознание того, что русские после взятия Нотебурга приложат все усилия к тому, чтобы овладеть Ниеном и получить выход к Балтийскому морю, ставило под угрозу нахождение флотилии в Выборге. По мнению командующего, укрепления Выборга не могли полностью гарантировать защиту судов, а выборгская гавань была слишком открытой для возможного нападения по льду со стороны залива. Своё видение Г. фон Нумерс изложил в письме в Адмиралтейство²³⁹. Вслед за этим письмом последовала длительная переписка между чиновниками. Адмиралтейств-коллегия обратилась за выработкой предложений в Риксрод. Государственный совет предложил избрать местом для зимовки флотилии базу флота в Карлскруне. Коллегия в свою очередь, дабы утвердить такой выбор, обратилась к королю, который повелел, чтобы Г. фон Нумерс оставался в море так долго, насколько позволят обстоятельства и погодные условия, после чего отвёл вверенную ему эскадру на зимовку в Карлскруну²⁴⁰. И именно это приказ был доставлен Г. фон Нумерсу бригантиной «Хёкен».

Вместе с упомянутым приказом Г. фон Нумерс получил инструкции оставаться в Невской губе настолько долго, насколько позволят погодные условия. Ледостав в восточной части Финского залива обычно начинался с середины октября. 8 октября, вынуждаемая ежедневными снеговыми зарядами, обмерзанием такелажа и плавающим льдом, Ниенская эскадра в полном составе снялась с якорей и взяла курс на Карлскруну. Через неделю первые суда начали прибывать в главную базу шведского королевского флота. Однако после ухода эскадры погода в Финском заливе кардинально поменялась, и до конца октября сохранялась теплая и мягкая погода. Это послужило поводом для Адмиралтейств-коллегии выступить с обвинениями по поводу неисполнения Г. фон Нумерсом приказа и раннего оставления театра, о чём был уведомлён монарх. Пространный ответ вице-адмирала от 28 ноября 1703 г. в Комиссию по обороне свёлся к тому, что командующий уверял в своём беспрекословном выполнении приказов и инструкций, а также к тому, что предусмотреть резкую перемену погоды он был не в силах²⁴¹. На этом разбирательство по делу было приостановлено. В итоге санкции в отношении Г. фон Нумерса не были приняты.

С возвращением эскадры на зимовку в Карлскруну Ладужская озёрная флотилия перестала существовать не только фактически, но и формально. Однако повествование было бы не полным, если оставить без внимания тот факт, что планы по возрождению флотилии ещё некоторое время продолжали циркулировать между различными инстанциями шведского правительства. В письме от 13 февраля 1703 г. Г. фон Нумерс предложил организовать новую Ладужскую флотилию, которая, имея в своём составе до тридцати галер и других малых гребных судов, базируясь на Кексгольме, могла бы угрожать противнику с тыла, тем самым

оттягивая на себя часть его сил. Вице-адмирал также сообщал, что закладка двух галер в Кексгольме уже состоялась, однако для продолжения строительства требовались средства, материальные ресурсы и обученные команды²⁴². Однако данным планам не суждено было осуществиться, и в итоге идея не была поддержана президентом Адмиралтейств-коллегии Х. Вахтмейстером, считавшего отвлечение материалов для создания новой флотилии Ладожского озера «абсолютно недопустимым»²⁴³. Приоритетом Коллегии, так же как и Комиссии по обороне и Казначейства, принимавших решения по выделению денежных средств, оставался корабельный флот. С учётом неудачного опыта с первой Ладожской флотилией, в свете всё сильнее раскручивавшегося маховика военной машины, потреблявшей ресурсы Шведского королевства, галеры и прочие малые гребные суда оставались на втором плане вплоть до того момента, когда пришло осознание того, что русский царь, получивший выход в Балтийское море и в кратчайшие сроки организовавший строительство своего прибрежного флота, является хозяином положения в шхерах Финского залива.

Подводя итоги деятельности флотилии, следует подчеркнуть, что, несмотря на сжатые сроки, задача, поставленная Карлом XII по организации флотилии, была выполнена Адмиралтейством с максимально возможным на тот момент результатом. Материальная и ресурсная база одного из сильнейших на начало XVIII столетия флотов позволила осуществить оснащение, приобретение и переброску судов на будущий театр военных действий. Численный состав сформированной флотилии был достаточным для сохранения господства в акватории Ладожского озера в кампаниях 1701 – 1702 г., хотя отсутствие в её составе вооружённых гребных судов с малой осадкой не позволяло навязывать бой русским либо вести преследование отступавшего противника в прибрежных районах. Десантные операции зачастую также оставались без огневой поддержки судов флотилии. Русские же гребные отряды действовали сообразно обстановке, то есть, при неимении опыта ведения войны на море и располагая лишь малыми невооружёнными судами, они предпочитали избегать столкновений на открытой воде. Максимально полно используя численное преимущество и благоприятные погодные условия, русские атаковали отдельные шведские суда, стараясь по возможности быстро сблизиться с противником, лишив последнего возможности использовать корабельные орудия и пойти на абордаж.

Исключительно силами одной флотилии шведы не могли оставаться хозяевами положения в регионе, планы же на проведение совместных операций с сухопутными войсками корпуса А. Крунийорта несколько раз срывались из-за неудачных действий последнего. Помимо прочего, Ладожская флотилия в ситуации, отчасти схожей со шведской флотилией, организованной в Дерпте, оставалась заложником своего географического положения, а именно: отсутствие постоянной укрепленной базы на побережье озера вынуждало командование флотилии по окончании каждой кампании искать пути и способы организации зимовки судов в других, более подходящих для этого гаванях за пределами озера. Нахождение флотилии вдали от основной базы королевского флота только усугубляло её положение, выражаясь в недостаточном снабжении материальными, денежными и человеческими ресурсами.

Бесспорно то, что шведское присутствие на Ладожском озере явилось катализатором для Петра I по ускорению организации собственных озёрных сил, для которых борьба за господство на Ладоге была только первым этапом на пути к более значимой цели — выходу в Балтийское море. И хотя историческая наука не предполагает сослагательного наклонения, рискнём сделать предположение, что даже при условии сохранения потерянных шведами в 1702–1703 г. крепостей в Приневье кампания 1703 г. на Ладожском озере для шведской озёрной флотилии, с учётом усилий прилагаемых российским монархом для создания собственного флота, могла бы оказаться отнюдь не лёгкой, а возможно и последней.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Приложение 1

Корабельный состав Ладужской флотилии 1701 – 1702 г.²⁴⁴

(пустые ячейки в таблице означают отсутствие данных,
нулевые значения обозначены прочерком)

Имя	Спуск на воду/ Включение в состав флота	Размеры (шведские футы)			Вооружение	
		Длина по штевням	Ширина	Глубина интрюма	Основное	Басы
Корабли / Каты						
«Тор»	1694 /1701	54	16	7	8–3-фунт. 2–1-фунт.	4–½-фунт.
«Один»	1695 / 1701	68	18	7	10–3 фунт. 2–1 фунт.	3–4-лот.
«Хабор»	1692 / 1701	48	14	7	6	6
Бригантины / Шнявы						
«Ёйя»	27.06.1701	80	18	7	8–3-фунт.	4–½-фунт.
«Фрига»	1698 / 1701	64	15	6	8	6
«Диса»	1686 / 1701	60	19	7	8–3-фунт.	4–½-фунт.
«Астрильд»	1699 / 1701	54	12	5	4–1-фунт.	2–¼-фунт.
«Кастор»	24.03.1702	80	20	7	10	10
«Поллукс»	24.03.1702	80	20	6½	10	10
Яхты						
«Катарина»	1696	52	16	7	2	
«Нептунус»	1694	48	14	6	8	–
Эспинги/ дуббель-шлюпки						
«Лаксен»	н/д /1701	54	14	5	6 – 3-фунт.	–
«Гедан»	н/д /1701	50	14	5	6 – 1-фунт.	–
«Аборен»	н/д /1701					

I. ARTICLES

«Ешен»	н/д /1701					
Краеры						
«Чёпман аф Новгород»						
«Санкт-Мария»						
«Санкт-Брита»						

Приложение 2

Корабельный состав Ладужской флотилии / Ниенской эскадры 1703 г.

Имя	Спуск на воду/ Включение в состав флота	Размеры (шведские футы)			Вооружение	
		Длина по штевням	Ширина	Глубина интрюма	Основное	Басы
Фрегаты						
«Дельфин»	11.04.1701	100	25	9	20–6 фунт.	
«Штарльсунд»	1689	120	31	10	16–24 фунт. 12–6 фунт.	6–3 фунт.
«Снаресвен»	14.10.1701	100	25	9½	20–6 фунт.	
«Постильйон»	11.04.1701	100	25	9	20–6 фунт.	
Корабли / Каты						
«Один»	1695 / 1701	68	18	7	10–3 фунт. 2–1 фунт.	3–4-лот.
«Хабор»	1692 / 1701	48	14	7	6	6
«Профетен Юнас»	1698	100	27	10	18–8 фунт. 2–4 фунт.	–
Бригантины / Шнявы						
«Ёйя»	27.06.1701	80	18	7	8–3-фунт.	4–½-фунт.
«Фрига»	1698 / 1701	64	15	6	8	6
«Диса»	1686 / 1701	60	19	7	8–3-фунт.	4–½-фунт.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

«Астрильд»	1699 / 1701	54	12	5	4–1-фунт.	2–¼-фунт.
«Кастор»	24.03.1702	80	20	7	10	10
«Поллукс»	24.03.1702	80	20	6½	10	10
«Скорпион»	10.04.1703	90	18 ½	5	14–3 фунт.	14–3 фунт.
«Вэдурен»	10.04.1703	90	18 ½	5	14–3 фунт.	14–3 фунт.
«Крефтан»	10.04.1703	90	18 ½	5	14–3 фунт.	14–3 фунт.
«Юнгфрун»	10.04.1703	90	18 ½	5	14–3 фунт.	14–3 фунт.
«Хёкен»	30.11.1701	80	19	7½	8–3 фунт.	8–16 лот.
Эспинги / дуббель-шлюпки						
«Гедан»	н /д / 1701	50	14	5	6–1-фунт.	–
«Аборен»	н /д / 1701					
Торговые суда						
«Персианске Чёпман»	1695 / 1701	91	22	10		
«Херцог фон Курлянд»	1699 / 1701	111	22	12½		
«Виндава»	1701 / 1702	95	24	11		

¹ Елагин С.И. Отчёт капитан-лейтенанта Елагина о занятиях в иностранных архивах летом 1861 года // МС. 1862. №. 1. С. 227–230.

² Его же. Утверждение России на балтийском побережье // МС. 1866. №. 1. Неофиц. ч. С. 109–127.

³ Северная война 1701 – 1721 гг. : сб. документов. Т. 1 : (1700 – 1709). К 300-летию Полтавской победы / под ред. Л.Г. Бескровного и Г.А. Куманева. М., 2009. С. 106, 108–109.

⁴ ГСВ. М., 2004. Вып. 1. 632 с.

⁵ Munthe A. Karl XII och den ryska sjömakten. Stockholm, 1924 ; Rosen C., von. Bidrag till kännedom om de händelser, som närmast föregingo svenska stromaktsvåldets fall, 2:II Försvaret af Östersjöprovinserna. Stockholm, 1936.

⁶ Wolke L.E. Sjöslag och rysshärjningar – Kampen om Östersjön under stora nordiska kriget 1700–1721. Norstedts, 2012.

⁷ Автор настоящего исследования выражает глубочайшую признательность Бенгту Нильссону (Bengt Nilsson), научному сотруднику библиотеки Линчёпингского университета (Швеция), за

всестороннюю помощь в подготовке данной работы. Благодаря Б. Нильссону была получена возможность ознакомиться с большим количеством архивных документов по теме исследования.

⁸ Здесь и далее, кроме случаев оговоренных особо, использованы шведские единицы измерений: шведская миля = 10688 м, шведский локоть = 0,59380 м, шведский фут = 0,2969 м.

⁹ В 1703 г. после основания Петром I в устье Волхова Новой Ладоги город был переименован в Старую Ладогу.

¹⁰ В настоящей работе рассматриваемый период времени в России и Швеции применялся Юлианский календарь (старый стиль), с тем отличием, что шведский опережал русский на один день. Оба календаря отставали от Григорианского (новый стиль), принятого к тому моменту во многих странах Европы, на 10 и 11 дней соответственно. В представленном исследовании события боевых столкновений датируются по двум календарям: старому и шведскому. В случае если речь идёт о внутренних делах Швеции или

- России, переписке между чиновниками, офицерами и т. д., то даты приведены по календарю соответствующей державы.
- ¹¹ RA. Riksregistraturet, Karl XII t. Strömfelt, Skytte, Horn. Lais. d. 6 mar. 1701.
 - ¹² Ibid. Karl XII t. Amiralitetskollegium. Lais. d. 6 mar. 1701.
 - ¹³ RA. Amiralitetskollegii registratur. 1701. N:o 82, d. 8 apr. S. 532–534.
 - ¹⁴ Лён – единица административно-территориального деления Швеции.
 - ¹⁵ Юхан Аполлов (*швед.* Johan Apolloff), урождённый Иван Григорьевич Опалев, комендант Ниена с 14 апреля 1689 г. по 2 мая 1703 г., старший сын служилого дворянина Г.Ч. Опалева, принявшего шведское подданство после того, как по Столбовскому миру поместья и земли, принадлежавшие их семье, отошли к Швеции.
 - ¹⁶ В настоящее время посёлок Куркиёки.
 - ¹⁷ *Yrjö-Koskinen G.Z.* Handlingar till upplysande af Finlands öden under det Stora nordiska kriget. Helsingissä, 1865. S. 18.
 - ¹⁸ RA. Amiralitetskollegiums kansliet, Amiralitetskollegiums protokoll 1701, A:I, d. 1 majj. 1701. S. 95.
 - ¹⁹ На 1701 г. в состав Адмиралтейств-коллегии входили адмирал-генерал Ханс Вахтмейстер, который являлся её президентом, и три адмирала – Корнелиус Анкарширна, Вернер фон Росенфельт и Фридрих Эверт Таубе.
 - ²⁰ RA. Am. Koll. Registratur. 1701. N:o 82, d. 4 maj. S. 723.
 - ²¹ RA. Am. Koll. Kansliet, Am. Koll. protokoll 1701, A:I, d. 3 majj. 1701. S. 151.
 - ²² KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Visby af jahten «Catarina». d. 8 maj. 1701. S. 392.
 - ²³ RA. Am. Koll. Kansliet, Am. Koll. protokoll 1701, A:I, d. 1 majj. 1701. S. 94.
 - ²⁴ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Eldberg t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 25 majj. 1701. S. 216–217r.
 - ²⁵ RA. Am. Koll. Kansliet, Am. Koll. protokoll 1701, A:I, d. 3 majj. 1701. S. 154.
 - ²⁶ RA. Am. Koll. Reg. 1701. N:o 82, d. 4 maj. S. 726.
 - ²⁷ RA. Am. Koll. Kansliet, Am. Koll. protokoll 1701, A:I, d. 14 jun. 1701. S. 515.
 - ²⁸ Ibid. S. 520.
 - ²⁹ Ibid. d. 27 jun. 1701. S. 657.
- Любопытно, в документе указано, что шнява отныне будет называться «Шелдон», однако это имя вычеркнуто и надписано «Нарва».
- ³⁰ KrA. Am. Koll., Varvskontoret D VI a:9. S. 1038.
 - ³¹ RA. Am. Koll. Kansliet, Am. Koll. protokoll 1701, A:I, d. 17 jun. 1701. S. 543.
 - ³² KrA. Am. Koll., Varvskontoret D VI a:9. S. 1002.
 - ³³ RA. Am. Koll. Kansliet, Am. Koll. protokoll 1701, A:I, d. 27 jun. 1701. S. 567.
 - ³⁴ Ibid. d. 29 jun. 1701. S. 681.
 - ³⁵ KrA. Am. Koll., Varvskontoret D VI a:9. S. 966–984r.
 - ³⁶ RA. Am. Koll. Kansliet, Am. Koll. protokoll 1701, A:I, d. 20 jun. 1701 S. 594.
 - ³⁷ KrA. Flottans arkiv. Nya nummerserien. II Avdelningen, vol. 12 b, 1702. Förteckning på Kongl. Majj:tz Öhrlogz flåtta ...
 - ³⁸ «Профетен Юнас» – 1698 г., «Рушенфельт» – 1700 г., «Волгаст» – 1705 г., «Санкт-Маркус» – 1707 г., «Уттерн» – 1704 г., «Профетен Юнас» – 1704 г., «Санкт-Юханнес Баптиста» – 1705 г.
 - ³⁹ KrA. Am. Koll., Varvskontoret D VI a:9. S. 984–1002r, 1020–1038r.
 - ⁴⁰ Ласт – мера грузовместимости судов, применявшаяся до конца XIX века. Один ласт равнялся 120 пудам, или 1,92 тонны зернового хлеба.
 - ⁴¹ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:3. Stockholm. d. 27 feb. 1701. S. 85–87.
 - ⁴² KrA. Am. Koll. Kansliet, Am. Koll. protokoll 1701, A:I, d. 26 jun. 1701. S. 638.
 - ⁴³ Ibid. d. 20 jun. 1701 S. 593.
 - ⁴⁴ Ibid. S. 594.
 - ⁴⁵ Андерс Сунд впоследствии командовал различными судами шведского королевского флота. В 1714 г. был командиром прама «Элефант», флагманского корабля Н. Эреншёльда в Гангутском сражении, во время которого он был смертельно ранен и скончался в русском плену. Пётр I почтил присутствием церемонию похорон мужественного моряка 8 октября 1715 года (*Кротов И.А.* Гангут : сражение и корабли. СПб., 2013. С. 119, 144, 242, 283).
 - ⁴⁶ RA. Am. Koll. Kansliet, Am. Koll. protokoll 1701, A:I, d. 28 jun. 1701. S. 664.
 - ⁴⁷ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Eldberg t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 25 majj. 1701. S. 216–217r.
 - ⁴⁸ В настоящей работе корабельная типология приведена согласно шведским документам. В некоторых случаях одни и те же суда могли именоваться по-разному, как, к примеру, в случае со шнявами и бригаantinaми. Общепринятое в настоящее время отнесение судна к тому или иному типу в соответствии с его парусным вооружением не обязательно отражает ситуацию применительно к шведским судам начала XVIII в. Данный вопрос, заслуживающий отдельного исследования, в рамках настоящей работы рассмотрен не будет.
 - ⁴⁹ RA. Am. Koll. Kansliet, Am. Koll. protokoll 1701, A:I, d. 14 jun. 1701. S. 521.
 - ⁵⁰ Ibid. d. 27 jun. 1701. S. 653–654.
 - ⁵¹ Ibid. d. 29 jun. 1701. S. 682–683.
- Переименование корабля «Путц Век» в «Хабор» состоялось 23 июля.
- ⁵² «Лаксен», «Гедан», «Аборен» и «Ешен» в переводе на русский язык звучали бы как «Лосось», «Щука», «Окунь» и «Ёрш».
 - ⁵³ RA. Am. Koll. Kansliet, Am. Koll. protokoll 1701, A:I, d. 9 jul. 1701. S. 770.

- ⁵⁴ KrA. Krigskollegium Krigskollegii kansli, Krigskollegii brevböcker, 1701:2, d. 25 oct. 1701. S. 1741.
- ⁵⁵ Мера веса в Швеции и некоторых других странах. 1 шиффунт = 170,02 кг.
- ⁵⁶ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:2. Palmgren t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 6 aug. 1701. S. 822.
- ⁵⁷ RA. Am. Koll. Kansliet, Am. Koll. protokoll 1701, A:I, d. 5 jul. 1701. S. 740–741.
- ⁵⁸ Фрегат «Фрёкен Элеонора» построен на верфи Карлскруны Чарльзом Шелдоном, спущен на воду 11 апреля 1701 г., размеры 90×24×9 фут, вооружение в кампании 1701 г. 16 6-фунт., 2 4-фунт, экипаж 93 человека.
- ⁵⁹ RA. Am. Koll. reg. 1701. N:o 82, d. 14 jun. S. 996–998.
- ⁶⁰ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Psilander t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 18 jul. 1701. S. 461.
- ⁶¹ Ibid. Numers t. Amiralitetskollegium. Lais. d. 23 maj. 1701. S. 394.
- ⁶² RA. M1862. Flottans Handlingar, Sjöexpeditioner Ryska kriget, 1701–1704. Numers t. Karl XII. Jachten «Chatrina», Narva. d. 7 jun. 1701.
- ⁶³ Ibid. Numers t. Karl XII. Nyen. d. 13 jun. 1701.
- ⁶⁴ «Новгородский купец» (рус.).
- ⁶⁵ RA. M1376. Sub. A. Cronhjort t. Schlippenbach. Nyen. d. 5 jun. 1701.
- ⁶⁶ Ibid. Nyen. d. 10 jun. 1701.
- ⁶⁷ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Eldberg t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 16 jun. 1701. S. 220–221.
- ⁶⁸ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:2. Husman t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 11 jun. 1701. S. 560–562.
- ⁶⁹ Ibid.
- ⁷⁰ RA. M1376. Sub. A. Cronhjort t. Schlippenbach. Nyen. d. 10 jun. 1701.
- ⁷¹ Ibid. Cronhjort t. Schlippenbach. Nyen. d. 13 jun. 1701.
- ⁷² RA. Skrivelser till Konungen. Karl XII:s tid, A. 5. Cronhjort t. Karl XII. Nyen. d. 12 jun. 1701.
- ⁷³ Сидоров Д.А. Шведская Дерптская флотилия 1701–1704 г. // Меншиковские чтения : научный альманах / гл. науч. ред. П.А. Кротов. СПб., 2014. Вып. 5 (12). С. 200–201.
- ⁷⁴ Подтверждение данным расчётам содержится в письме Г. фон Нумерса от 17 июня 1702 г., в котором он пишет, что в его распоряжении имелось 300 солдат (RA. M1862. Numers t. Karl XII. «Castor», Nöteborg. d. 17 jun. 1702).
- ⁷⁵ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Jachten «Chatrina», Nöttaborg. d. 16 jun. 1701.
- ⁷⁶ По-видимому, Г. фон Нумерс вёл счёт дням не от выхода из Ниена, а с момента входа в Неву.
- ⁷⁷ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Jachten «Chatrina», Nöttaborg. d. 16 jun. 1701.
- ⁷⁸ Таблица составлена по: RA. Amiralitetskollegiums kansliet, Amiralitetskollegiums protokoll 1701, A:I, d. 3 maj. 1701. s. 151–152; d. 6 jul. 1701. s. 750–753; d. 15 jul. 1701. s. 839; d. 23 jul. 1701. s. 904, d. 24 jul. 1701. s. 876; Ibid. Amiralitetskollegiets med efterföljares kotte. Rullor flottan. Diverse mönsterrullor
- Па, 1701. Ibid. Sjöexpeditioner, Skeppsmönsterrullor 1701–1721, B:I, d. 5 jul. 1701; Kungliga Örlogsmannasällskapet, Örlogskommenderingar åren 1700–1719, 1720–1786.
- ⁷⁹ Северная война 1701–1721 гг. ... С. 108.
- ⁸⁰ Шведский фут.
- ⁸¹ KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styrmansjournaler, 1701. «Göija». S. 3–4.
- ⁸² KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. På Redeen af Nöttaborg. d. 28 jun. 1701. S. 398–399.
- ⁸³ В письме королю Г. фон Нумерс уточнял, что под этой «машиной» он подразумевал разновидность лихтера (RA. M1862. Numers t. Karl XII. Dorpt. d. 4 jan. 1702).
- ⁸⁴ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Jachten «Chatrina», Konowitz. d. 9 jul. 1701; Северная война 1701–1721 гг. ... С. 109.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Ныне Никольский Адриано-Андрусовский монастырь в 25 км от Олонца.
- ⁸⁷ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 16 jul. 1701. S. 400.
- ⁸⁸ Ibid. Numers t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 4 aug. 1701. S. 404.
- ⁸⁹ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Nijen. d. 4 sep. 1701.
- ⁹⁰ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 24 ock. 1701. S. 418r.
- ⁹¹ Ibid. Numers t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 4 aug. 1701. S. 404.
- ⁹² Ibid. S. 403.
- ⁹³ Ibid. S. 405.
- Согласно шканечному журналу бригаантины «Ёйа» (KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styrmansjournaler, 1701. «Göija». S. 4) вице-адмирал перенёс свой флаг на бригантину с яхты «Нептунус». Такое разночтение можно объяснить ошибкой в идентификации яхт штурмана «Ёйи» Томаса Райалина, ответственного за ведение журнала и только прибывшего к Нотебургу.
- ⁹⁴ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 29 aug. 1701. S. 408.
- ⁹⁵ KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styrmansjournaler, 1701. «Göija». S. 5.
- ⁹⁶ Ibid. S. 5r.
- ⁹⁷ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Brigantin «Göija», Konowitz. d. 19 aug. 1701.
- ⁹⁸ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Konowitz. d. 19 aug. 1701. S. 406r.
- ⁹⁹ Северная война 1701–1721 гг. ... С. 91–92.
- ¹⁰⁰ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 29 aug. 1701. S. 408.
- Нумерс пишет о 13 захваченных на этой лодке, но очевидно, что в это число также вошли 9 человек, пленённых ранее бригантиной «Диса».
- ¹⁰¹ Ibid. Numers t. Amiralitetskollegium. Brigantin «Göija», Konowitz. d. 19 aug. 1701. S. 407.

- ¹⁰² Бухта у современной деревни Заостровье, лежащей на западном побережье озера напротив острова Коневец.
- ¹⁰³ Таблица составлена по: KrA. Amiralitetskollegium, Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Visby af jahten «Catarina». d. 8 maj. 1701. S. 392; Ibid. Nyen. d. 4 aug. 1701. S. 402–405; Ibid. Eldberg t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 23 maj. 1701. S. 216; Ibid. Nyen. d. 23 maj. 1701. S. 221r; KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styrmansjournaler, 1701. «Göija». S. 4r; KrA. Krigskollegium Krigskollegii kansli, Krigskollegii brevböcker, 1701:2, d. 25 oct. 1701. S. 1741; RA. M1862. Numers t. Karl XII. Nyen. d. 13 jun. 1701.
- ¹⁰⁴ Достоверные данные о командире дубель-шлюпки «Аборен» отсутствуют. Предположение о Х. Шмидте сделано по косвенным признакам. А именно: Х. Шмидт являлся одним из подписантов письма, направленного в Адмиралтейств-коллегию от имени командиров судов «Астрильд», «Гедан», «Аборен», «Ешен», оставленных на зимовку в Нотебурге.
- ¹⁰⁵ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 10 sep. 1701. S. 413r.
- ¹⁰⁶ Ibid. Numers t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 26 feb. 1702.
- ¹⁰⁷ *Елагин С.И.* Утверждение России на балтийском побережье. С. 118.
- ¹⁰⁸ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Nijen. d. 4 sep. 1701.
- ¹⁰⁹ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 10 sep. 1701. S. 414.
- ¹¹⁰ Ibid. Numers t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 4 aug. 1701. S. 405r.
- ¹¹¹ Ibid.
- ¹¹² Ibid. Numers t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 27 aug. 1701. S. 409r–409.
- ¹¹³ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Brigantin «Göija» till ankars ligiande under Riskalax. d. 31 aug. 1701.
- ¹¹⁴ KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styrmansjournaler, 1701. «Göija». S. 9.
- ¹¹⁵ Ibid.
- ¹¹⁶ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 24 oct. 1701. S. 418r.
- ¹¹⁷ Есть основания считать, что прибывший из Карлсруны в первой декаде сентября на театр военных действий корабль «Один», в связи со скорым окончанием кампании не поднимался в Ладожское озеро, а остался в Ниене в ожидании прибытия туда остальных судов флотилии.
- ¹¹⁸ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 6 nov. 1701. S. 419.
- ¹¹⁹ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Wiborg. d. 8 nov. 1701.
- ¹²⁰ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 12 oct. 1701. S. 414., Nyen. d. 24 oct. 1701. S. 418.
- ¹²¹ RA. Am. Koll. reg. 1701. N:o 82, d. 29 nov. 1701. S. 1813.
- ¹²² *Дуров И.Г.* Провиантское обеспечение военноморского флота Швеции в Северную войну // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы восьмой ежегодной Международной научной конференции. СПб., 2007. С. 306.
- ¹²³ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Brigantin «Göija» till ankars ligiande under Riskalax. d. 31 aug. 1701.
- ¹²⁴ *Wolke L.E.* Sjöslag och rysshärjningar ... S. 100.
- ¹²⁵ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 27 aug. 1701. S. 414.
- ¹²⁶ *Wolke L.E.* Op. cit. S. 103.
- ¹²⁷ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 27 aug. 1701. S. 414.
- ¹²⁸ Ibid. Numers t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 12 oct. 1701. S. 416r–416.
- ¹²⁹ *Wolke L.E.* Op. cit. S. 103.
- ¹³⁰ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Brigantin «Göija» i Ladoga Siön. d. 4 maj. 1702.
- ¹³¹ Ibid.
- ¹³² KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Eldberg t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 28 oct. 1701. S. 229.
- ¹³³ *Сидоров Д.А.* Указ. соч. С. 178–179.
- ¹³⁴ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1702. Numers t. Amiralitetskollegium. Dorpat. d. 18 jan. 1702. S. 914.
- Фактическое прибытие этих унтер-офицеров в расположение флотилии не находит подтверждения. А. Роселиус действительно впоследствии служил в Дерптской флотилии в 1704 году, получив звание лейтенанта и командование дубель-шлюпкой «Нарва»; Х. Умбехавен на август 1702 года в списках данной флотилии не числился.
- ¹³⁵ Ibid. Löschem t. Amiralitetskollegium. Dorpat d. 21 mar. 1702. S. 371.
- ¹³⁶ Ibid. Numers t. Amiralitetskollegium. Nyen d. 25 feb. 1702. S. 933.
- ¹³⁷ Ibid. Nyen d. 28 apr. 1702. S. 951.
- ¹³⁸ RA. Am. Koll. Reg. 1702. N:o 83, d. 22 apr. S. 538–539.
- ¹³⁹ Ibid. d. 19 maj. S. 630–631.
- ¹⁴⁰ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Brigantin «Göija» i Ladoga Siön. d. 4 maj. 1702.
- ¹⁴¹ ПИБПВ. СПб., 1889. Т. 2. С. 256.
- ¹⁴² МИРФ. СПб., 1865. Ч. 1. С. 3.
- ¹⁴³ Подробнее см.: *Кротов П.А.* Осударева дорога 1702 года: Пролог основания Санкт-Петербурга / отв. ред. Н.В. Кирущенко. СПб., 2011. 312 с.
- ¹⁴⁴ Подробнее об архитектуре данных судов см.: *Иванов А.В.* Проблемные вопросы атрибуции и идентификации моделей кораблей: (на примере половинчатой модели 12-пушечного фрегата «Курьер» 1702 г.) // Меншиковские чтения. СПб., 2012. Вып. 3 (10). С. 85–88.
- ¹⁴⁵ KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styrmansjournaler, 1702. «Göija». S. 36r.

- ¹⁴⁶ Svensk lösen (*швед.*) – сигнал, принятый в шведской армии и на флоте с 1635 г., состоявший из двух подававшихся через короткое время оружейных выстрелов. В военное время использовался в качестве опознавательного сигнала между дружественными подразделениями либо судами. В торжественных случаях использовался как королевский салют и состоял из четырёх выстрелов.
- ¹⁴⁷ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Brigantin «Castor» till ankars mellan Muria och Nöteborg Bank i Lado-ga Siön. d. 17 jun. 1702.
- ¹⁴⁸ KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styr-mansjournaler, 1702. «Göija». S. 37r–37.
- ¹⁴⁹ Кротов П.А.: 1) Осударева дорога : 1702 г. // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 208 ; 2) Осударева дорога 1702 года : Пролог основания Санкт-Петербурга. С. 215.
- ¹⁵⁰ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Brigantin «Castor» till ankars mellan Muria och Nöteborg Bank i Lado-ga Siön. d. 17 jun. 1702.
- ¹⁵¹ Северная война 1701–1721 гг. ... С. 135.
- ¹⁵² Кротов П.А. Зарождение регулярного флота на Балтике // История отечественного судостроения. Т. 1 : Парусное деревянное судостроение IX–XIX вв. СПб., 1994. С. 86.
- ¹⁵³ RA. ÅK 243, vol. 90. Lindehielm t. Defension-skommissionen. d. jul. 15. 1702.
- ¹⁵⁴ По тексту письма невозможно однозначно сказать были эти люди убиты либо погибли в огне.
- ¹⁵⁵ Северная война 1701–1721 гг. ... С. 135.
- ¹⁵⁶ RA. M1862. Numers t. Karl XII. d. 17 jun. 1702; 3 jul. 1702.
- ¹⁵⁷ Ibid.
- ¹⁵⁸ KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styr-mansjournaler, 1702. «Göija». S. 40r.
- ¹⁵⁹ Северная война 1701–1721 гг. ... С. 135.
- ¹⁶⁰ KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styr-mansjournaler, 1702. «Göija». S. 44r.
- ¹⁶¹ Ibid. S. 45r.
- ¹⁶² KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1702. Numers t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 1 sep. 1702. S. 974 ; Nyen d. 18 sep. 1702. S. 980.
- ¹⁶³ Ekeskerp (*швед.*). Описывая подобным образом эти суда, Нумерс, вероятно, подразумевал то, что в отличие от других судов флотилии для их постройки использовалась древесина дуба.
- ¹⁶⁴ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1702. Numers t. Amiralitetskollegium. Skep «Castor» till ankars utanför Bankar wyd Nöteborg. d. 3 aug. 1702. S. 967.
- ¹⁶⁵ Berg L.O. Karolinsk flotta. Studier // Forum Navale. Nr 25, 1970. S. 20.
- ¹⁶⁶ Письмо от 24 августа 1702 г. (ПИБПВ. Т. 2. С. 388–389); письмо от 6 сентября 1702 г. (Северная война 1701–1721 гг. ... С. 141).
- ¹⁶⁷ РГА ВМФ. Ф. 315 (Материалы для истории русского флота). Оп. 1. Д. 1951. Л. 16.
- ¹⁶⁸ Сидоров Д.А. Указ. соч. С. 184.
- ¹⁶⁹ Северная война 1701–1721 гг. ... С. 141 ; KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1702. Numers t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 1 sep. 1702. S. 973–975 ; RA. M1862. Numers t. Karl XII. d. 17 jun. 1702.
- ¹⁷⁰ Шведское название мыса; в настоящее время мыс официального названия не имеет, на нём расположена деревня Леднёво.
- ¹⁷¹ Вероятно из реки Кобона.
- ¹⁷² Лот – единица измерения массы и веса, равная 3 золотникам, или $\frac{1}{32}$ фунта, или 12,79726 г.
- ¹⁷³ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1702. Numers t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 1 sep. 1702. S. 975.
- ¹⁷⁴ RA. M1862. Husman t. Riksrådet. Carlsrona. d. 15 sep. 1715.
- ¹⁷⁵ ГСВ. С. 217.
- ¹⁷⁶ Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия её в Великой Северной войне. СПб., 1912. Вып. 1, кн. 3. Прил. I, № 24 : Журнал шведских служб, или Боевой формуляр ближнего окольничего Петра Матвеевича Апраксина за 1700–1706 гг. С. 33.
- ¹⁷⁷ Северная война 1701–1721 гг. ... С. 141.
- ¹⁷⁸ Елагин С.И. Утверждение России на балтийском побережье. С. 119.
- ¹⁷⁹ Волынский Н.П. Указ. соч. С. 33.
- ¹⁸⁰ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1702. Numers t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 18 sep. 1702. S. 979–980.
- ¹⁸¹ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Viborg. d. 2 oct. 1702.
- ¹⁸² Wendt E. Med Nyeneskadern i österled 1708 // Forum Navale. Nr 17, 1960. S. 6–7.
- ¹⁸³ Rosen C., von. Op. cit. S. 106–107.
- ¹⁸⁴ Seekahn (*нем.*).
- ¹⁸⁵ Berg L.O. Op. cit. S. 20.
- ¹⁸⁶ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1702. Numers t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 1 sep. 1702. S. 974 ; Nyen d. 18 sep. 1702. S. 980.
- ¹⁸⁷ Кротов П.А. Морской бой 7 мая 1703 г. : российская пропагандистская версия и реальные подробности // Петровское время в лицах – 2007. СПб., 2007. С. 149–156 ; Сорокин П.Е. «Небываемое бывает» – морская победа 1703 г. у устья Невы // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. : Материалы международной научной конференции. С.-Петербург, декабрь 2006 г. СПб., 2007. С. 149–152 ; Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 : книга исследований. СПб., 2009. 784 с.
- ¹⁸⁸ ГСВ. С. 104.
- ¹⁸⁹ Шарымов А.М. Указ. соч. С. 421.
- ¹⁹⁰ ГСВ. С. 104.
- ¹⁹¹ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1703. Numers t. Amiralitetskollegium. Brigant: Göija till ankars utan för Nyens Redd. d. 13 maij. 1703. S. 1189.

- ¹⁹² Сорокин П.Е. Указ. соч. С. 151.
- ¹⁹³ Там же. С. 150.
- ¹⁹⁴ KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styrmansjournaler, 1703. «Oden». S. 260r.
- ¹⁹⁵ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1703. Numers t. Amiralitetskollegium. Brigant: Göija till ankars utan för Nyens Redd. d. 13 majj. 1703. S. 1190.
- ¹⁹⁶ Ramsay Jullj. Tsar Peters svenska värja // Historiallinen arkisto toimittanut Suomen historiallinen seura. XXIV:I:7, Helsinki 1914. P. 3.
- ¹⁹⁷ Nilsson B., Emanuel Werner // Blog. The Great Northern War. [Электронный ресурс]. URL: http://members.tripod.com/bengt_nilsson/blog/index.blog/2280079/emanuel-werner/ (дата обращения: 08.09.2016).
- ¹⁹⁸ Юхан Килиан Вильгельмс приходился отцом командиру эспинга «Гедан» обер-лейтенанту Килиану Вильгельмсу.
- ¹⁹⁹ Ден Дж. История Российского флота в царствование Петра Великого / пер. с англ. Е.Е. Пуяткина, вступ. ст., науч. редакция и уточнение перевода, примеч. П.А. Кротова. СПб., 1999. 192 с.
- ²⁰⁰ Сорокин П.Е. Указ. соч. С. 152.
- ²⁰¹ ГСВ. С. 104.
- ²⁰² Кротов П.А. Морской бой 7 мая 1703 г. ... С. 154.
- ²⁰³ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1703. Numers t. Amiralitetskollegium. Brigant: Göija till ankars utan för Nyens Redd. d. 13 majj. 1703. S. 1189.
- ²⁰⁴ ПИБПВ. Т. 2. С. 163.
- ²⁰⁵ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. II. С. 276.
- ²⁰⁶ ПИБПВ. Т. 2. С. 164.
- ²⁰⁷ KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styrmansjournaler, 1703. «Göija». S. 197.
- ²⁰⁸ ГСВ. Вып. 1. С. 232.
- ²⁰⁹ Кротов П.А. Морской бой 7 мая 1703 г. ... С. 153.
- ²¹⁰ ГСВ. С. 233.
- ²¹¹ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1703. Numers t. Amiralitetskollegium. Brigant: Göija till ankars utan för Nyens Redd. d. 18 majj. 1703. S. 1197.
- ²¹² KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1703. Numers t. Nyen Commendanten. Göija. d. 8 majj. 1703. S. 1199.
- ²¹³ Ramsay Jullj. Op. cit. S. 1–15.
- ²¹⁴ Весслинг явно ошибается: Отто Рудольф фон и цу Шауенбург поступил на русскую службу в чине полковника только в 1704 г. Наиболее вероятной кандидатурой генерала русской армии, принимавшего Т. Весслинга в лагере был Адам Хейнрих фон Шонебек, в 1703 году принятый на русскую службу в чине генерал-поручика.
- ²¹⁵ Вероятно, Т. Весслинг имел в виду капитана Густава Пересветова-Мората, капитана полка генерала Хорна находившегося в Ниене. Густав был женат на дочери коменданта Ю. Аполлова Барбру. Скончался в июне 1704 г. в Нарве.
- ²¹⁶ По-видимому, имеется в виду первый комендант крепости А.Д. Меншиков.
- ²¹⁷ Каролин – шведская серебряная монета, названная по имени изображенного на ней короля (Карла), по распоряжению которого она чеканилась. При Карле XII чеканились монеты в 1, 2 и 4 каролина с весом металла 4,62, 9,25 и 18,49 г. соответственно. Говоря о датском каролине, Т. Весслинг, наверняка, подразумевает серебряную монету аналогичного номинала и веса, отчеканенную в Дании. Шведский дукат – золотая монета весом 3,48 г., которую чеканили при Карле XI.
- ²¹⁸ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1703. Menshikov t. Numers. Schloßburg. d. 10 majj. 1703. S. 1200.
- ²¹⁹ Rosen C., von. Op. cit. S. 108.
- ²²⁰ KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styrmansjournaler, 1703. «Göija». S. 198.
- ²²¹ Rosen C., von. Op. cit. S. 108.
- ²²² МИРФ. Отд. I. № 16. С. 16–18.
- ²²³ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1703. Numers t. Amiralitetskollegium. Skepet «Propheten Jonas». d. 2 jul. 1703. S. 1207.
- ²²⁴ Rosen C., von. Op. cit. S. 108.
- ²²⁵ Несмотря на указания на плохое состояние фрегата, он прослужил ещё 10 лет, затонув 29 мая 1713 г. севернее Карлсруны. В 1715 г. Карл XII распорядился, чтобы фрегат был поднят и отбуксирован в Померанию для использования в качестве плавучей батареи. Однако, по всей видимости, из-за падения Штральзунда в конце того же года, этим планам не суждено было сбыться.
- ²²⁶ Rosen C., von. Op. cit. S. 109.
- ²²⁷ KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styrmansjournaler, 1703. «Persianske Cöpmän». S. 135–137r.
- ²²⁸ Ibid. «Oden». S. 267.
- ²²⁹ Таблица составлена по: Kungliga Örlogsmannasällskapet, Örlogskommenderingar åren 1700–1719, 1720–1786 ; Nilsson B. Biografica flottan: En matritel över svenska sjöofficerare 1687–1721 // Bengt Nilssons hemsida [Электронный ресурс]. URL: http://members.tripod.com/Bengt_Nilsson/Biografica/index.htm (дата обращения: 22.07.2016).
- ²³⁰ Шарымов А.М. Указ. соч. С. 660.
- ²³¹ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1703. Menshikov t. Numers. Nyenschantz. d. 10 majj. 1703. S. 1200.
- ²³² Шарымов А.М. Указ. соч. С. 661.
- ²³³ Rosen C., von. Op. cit. S. 109–110.
- ²³⁴ Кротов П.А. Петербургский порт при Петре I // Феномен Петербурга. СПб., 2001. С. 424.
- ²³⁵ KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styrmansjournaler, 1703. «Kreftan». S. 225.
- ²³⁶ Ibid. «Höken». S. 233–234.
- ²³⁷ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1703. Numers t. Amiralitetskollegium. «Propheten Jonas». d. 15 sep. 1703. S. 1222.
- ²³⁸ Ibid. S. 1221.
- ²³⁹ Ibid. Wybörg. d. 5 mar. 1703. S. 1158.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

²⁴⁰ *Rosen C., von.* Op. cit. S. 110.

²⁴¹ Ibid.

²⁴² KГА. Ам. Колл. Канслиет Е II с 1703. Numers t. Amiralitetskollegium. Wiborg. d. 13 feb. 1703. S. 1147–1148.

²⁴³ *Berg L.O.* Op. cit. S. 22.

²⁴⁴ Приложения составлены по следующим источникам: KГА. Flottans arkiv. Nya nummerse-rien. II Avdelningen, vol. 12 b, 1702. Förteckning på Kongl. Maj:tz Öhrlogz flåtta ... ; *Berg L.O.*

Svenska karlskronaflottans fartyg 1700–1721. En tabellarisk framställning // Forum Navale. Nr 25, 1970. S. 66–85 ; РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 548. Л. 36 («Тор», «Ёйя», «Диса», «Гедан», «Лаксен», «Нептунус») ; РА. М1862. Husman t. Karl XII. Carlsrona. d. 15 sep. 1715 ; *Börjeson H.J.* Lists of men-of-war 1650–1700. Part III, Swedish ships, Danish-Norweigan ships, German ships. Society for Nautical Research occasional publications, no. 5. London, 1974.